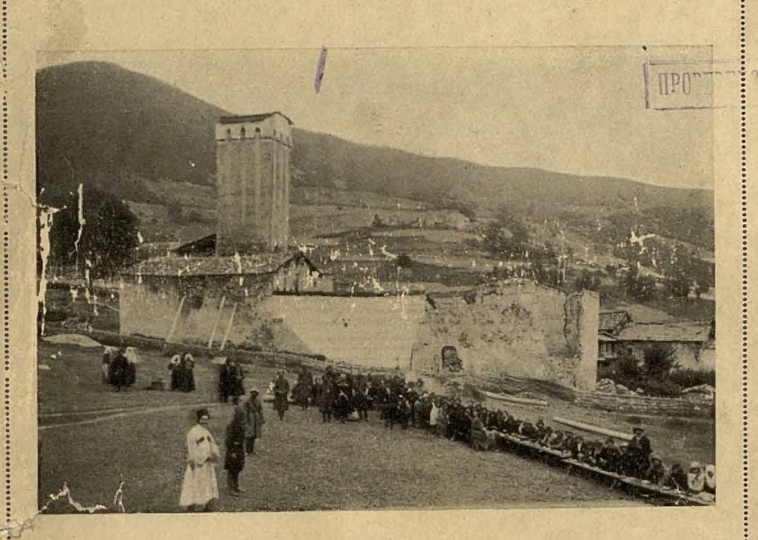
М. Н. ИЛЬИНА

ПОѢЗДКА
ВЪ
СВАНЕТІЮ



ИЗДАНІЕ И. Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913



М. Н. Ильина.

Поѣздка въ Сванетію.

I.

Черезъ Мингрелію.

II.

Черезъ перевалы Главнаго Хребта.

Съ фотографіями и схемой.

Изданіе И. Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1913.



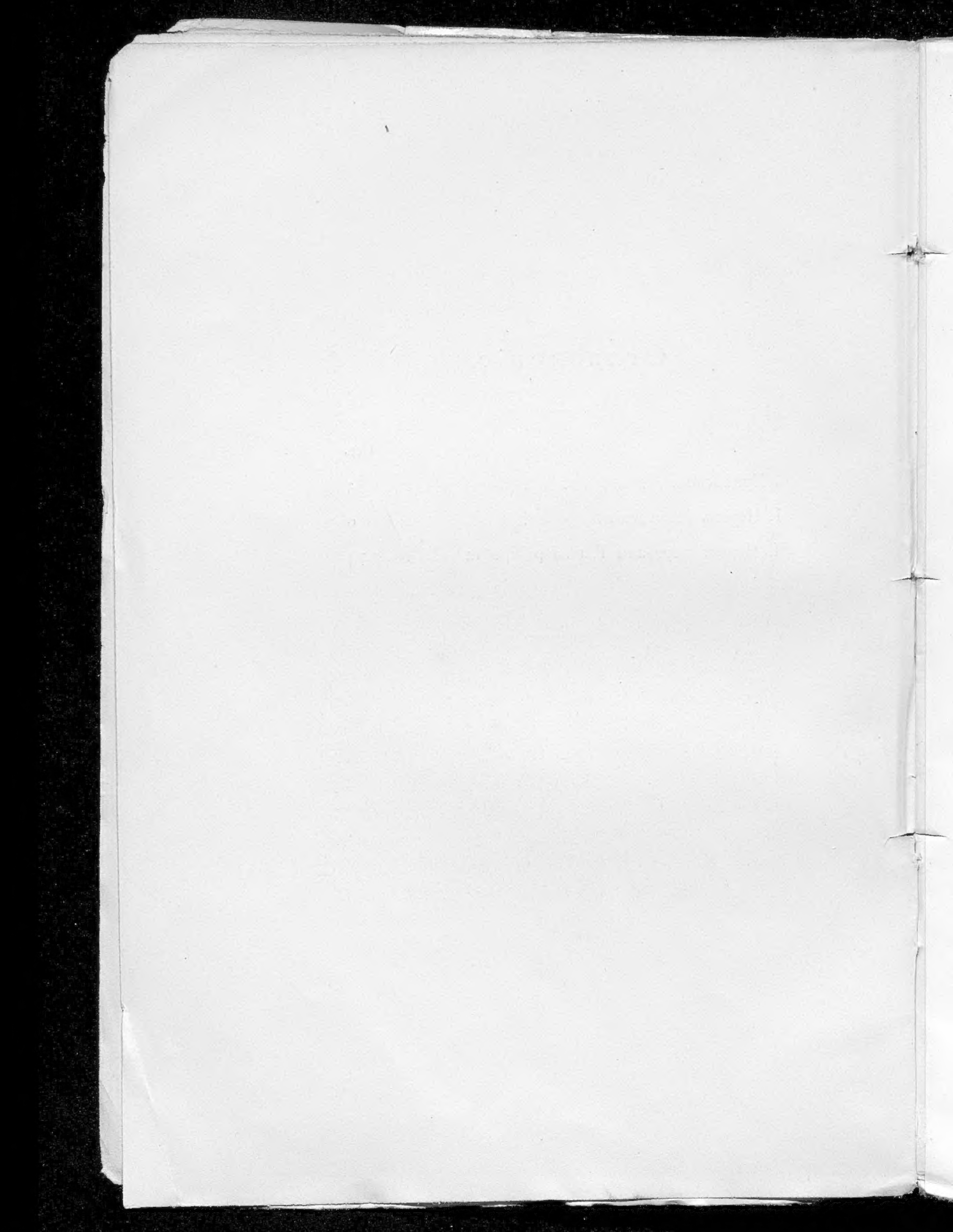


№ 1. Архангелъ Михаилъ.

(См. стр. 6).



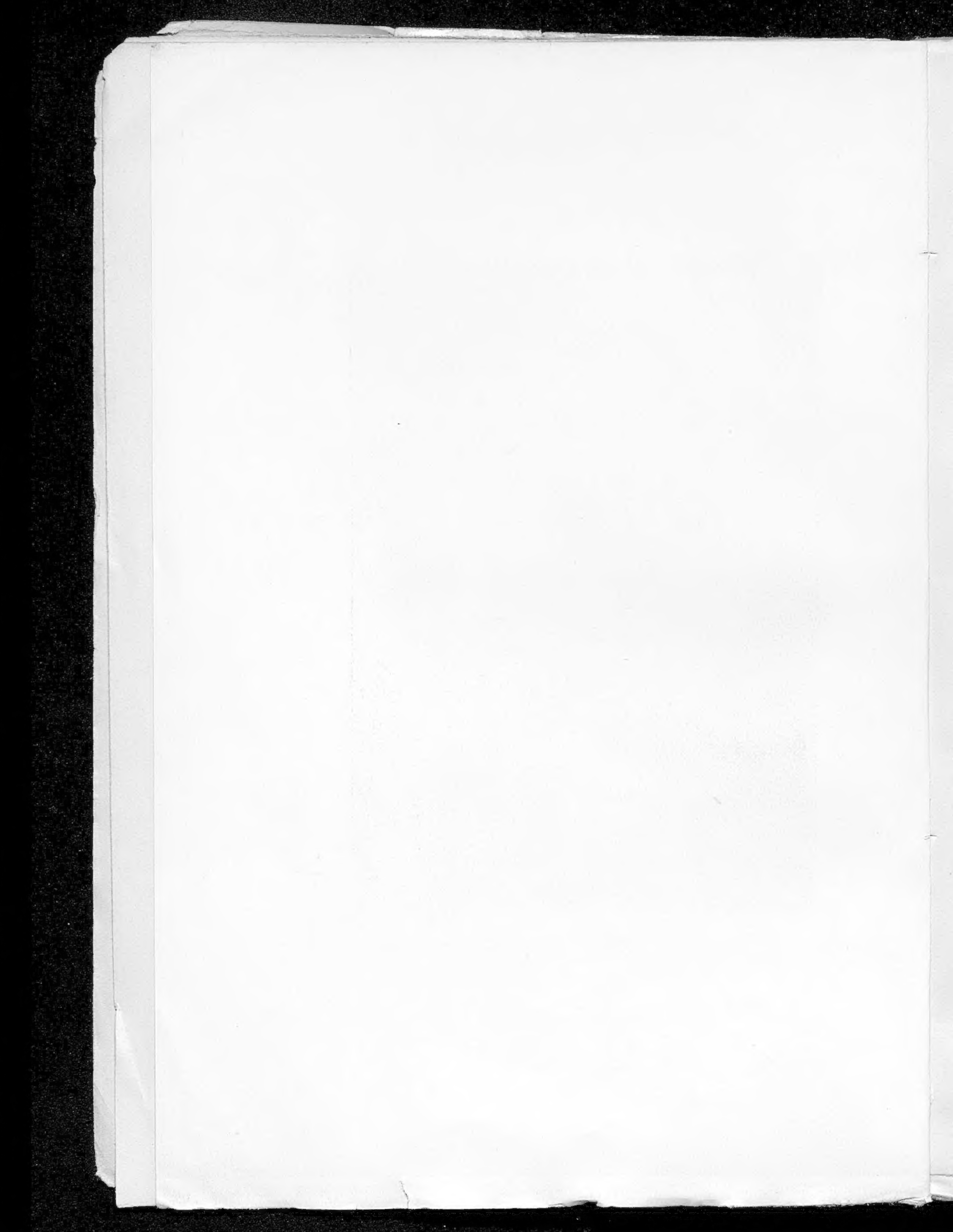
Оглавленіе.





№ 2. Образъ св. Квирика въ монастырѣ св. Квирика и Ивлитіи въ Калахъ.

(См. стр. 7).



Предисловіе.

По возвращеніи моемъ съ Кавказа, всѣ тѣ, которымъ я разсказывала про свое путешествіе, совѣтовали мнѣ написать о немъ, находя, что у насъ еще такъ мало знакомы съ Кавказомъ и его доступностью, что мнѣ слѣдовало бы дать краткое описаніе нашей поѣздки по Сванетіи. Мнѣ же самой хотѣлось бы познакомить русскихъ людей не только съ красотою и интересомъ Кавказа, что давно всѣмъ извѣстно, но также доказать на фактахъ, что путешествіе по немъ не представляетъ рѣшительно никакихъ трудностей и опасностей, и что оно поэтому вполнѣ доступно для всѣхъ интересующихся красотою природы и археологическими рѣдкостями.

— Относительно архсологіи, академикъ-профессоръ Кондаковъ, съ которымъ я имѣла удовольствіе познакомиться и которому я показывала привезенные мною снимки нѣкоторыхъ Сванетскихъ иконъ, снятыхъ фотографомъ Ермаковымъ, нашелъ, что онѣ дѣйствительно представляютъ большой археологическій интересъ, и былъ такъ любезенъ, что написалъ о нихъ свои замѣчанія.

Вотъ, что онъ говоритъ:

№ 1.

2806. *Чеканная на серебрѣ икона Арх. Михаила. По длинной грузинской надписи внизу, по круглымъ цифрамъ (золоченымъ?) на рамѣ или окладѣ и всему убору, икона подражаетъ мѣстнымъ царскимъ подноснымъ иконамъ Грузіи, Гуріи (ср. икон. Джумати) и Мингреліи XII—XIV в. Изображеніе Архангела воспроизводитъ извѣстный византійскій типъ Архистратига (= imperator, Кесарь) въ императорскомъ орнатѣ, съ державою въ правой и лабаромъ въ лѣвой, стоящаго на постаментѣ. Но одежды, кромѣ набраннаго камнями лора, переданы уже въ варварской схемѣ. Икона должна относиться*



№ 3. Икона великомученика Дмитрія Солунскаго.
Ипарское общество.

(См. стр. 7).



къ XIV вѣку. Желательно чтеніе надписи, если она принадлежитъ иконѣ (?).

№ 2.

17275. *Образъ св. Квирика въ видѣ отрока съ мученическимъ крестомъ въ правой, въ патриціанской одеждѣ, съ мантіею, тавліемъ на ней и коймами. По окладу, въ щиткахъ погрудь: Спаситель, 2 Архангела, Петръ и Павелъ, Θеодоръ Тиронъ и Θеодоръ Стратилатъ и Георгій, XIII—XIV в.*

№ 3.

Икона вм. Димитрія на конѣ, повергающаго копьемъ царя Болгарскаго Асѣня. Икона не ранѣе XIV вѣка. По окладу, въ щиткахъ Спаситель, 2 Арх., свв. воины: Георгій, Несторъ, Прокопій.

№ 4.

Складень съ грузинскою надписью: на створахъ 2 Серафима и 4 свв. воина. На средней иконѣ вставленъ образокъ Б. М. въ золотой ризѣ и окладѣ, Б. М. Одигитріи по грудь, съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ; по сторонамъ 2 преклоняющіеся Архангела, выше образъ Нерукотво-

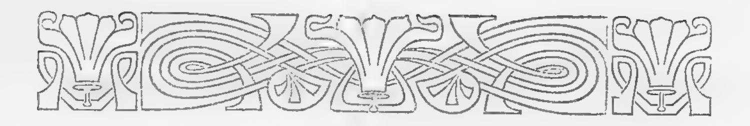
реннаго Спаса, внизу 2 святыхъ мученика съ крестами. Образокъ былъ украшенъ камнями и вѣнчикомъ съ камнями же. Образокъ XII—XIII столѣтія греческій. Складень грузинскій XIII—XIV в.



№ 4. Складень съ грузинской надписью и съ образкомъ Богоматери.
Местія.

(См. стр. 7).





I.

Черезъ Мингрелію.

30-го Іюня. Цагери.

Вчера мы [1]) пріѣхали въ Цагери. Цагери, это граница Сванетіи и начало того пути по настоящему Кавказу, который мы мечтаемъ пройти пѣшкомъ. Остановились въ Мури, имѣніе князя Мингрельскаго, на противоположномъ берегу Цхенисъ-Цхалс. Устроилось это очень просто. Мы ѣхали своимъ длиннымъ караваномъ изъ Горди, мы двѣ верхомъ, наши 2 вьючныя лошади съ тремя пѣшими мингрельцами, проводникъ Антонъ, вмѣстѣ съ провожающими насъ изъ Горди священникомъ на мулѣ и 2 молодыми людьми, и встрѣтили, по дорогѣ, такой же караванъ верховыхъ въ сопровожденіи вьючныхъ лошадей и пѣшихъ погонщиковъ. Во главѣ ѣхалъ пожилой господинъ въ черкескѣ.

По горному обычаю, т. е. я думаю, что это обычай, и, во всякомъ случаѣ привычка, въ одно

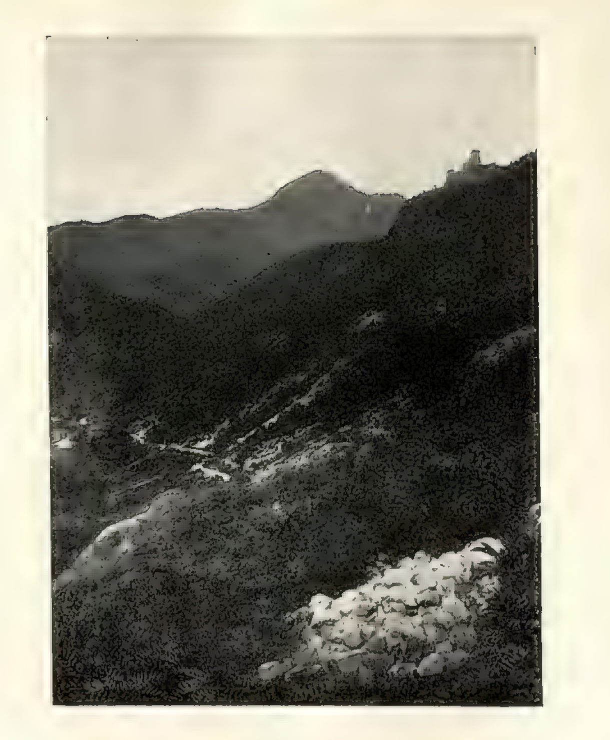
[1]) Моя пріятельница англичанка, М. И. Чемберсъ (Chambers), пріѣхавшая спеціально изъ Англіи для путешествія по Кавказу, и я.

мгновеніе и нашъ и ихъ караванъ узналъ, кто и откуда и куда, и къ нашему великому удивленію старый господинъ соскочилъ со своей лошади, подошелъ къ моей, и сказалъ, что очень жалѣетъ, что какъ разъ уѣзжаетъ изъ Цагери съ женой, которая ѣхала тутъ же верхомъ, и поэтому не можетъ самъ насъ принять, но проситъ насъ остановиться въ Мури, въ имѣніи князя Мингрельскаго, повѣреннымъ котораго онъ состоитъ по Лечхумскому уѣзду; для этого, мы должны, по пріѣздѣ въ Цагери, обратиться къ его помощнику.

Мы очень поблагодарили, но просили записку къ помощнику, такъ какъ еще не свыклись съ кавказскимъ обычаемъ прямо пріѣзжать въ домъ и просить ночлега.—Записку вручили Антону и поѣхали дальше, потерявъ на разговоръ съ управляющимъ не болѣе двухъ минутъ.

Въ Цагери мы въѣхали чуднымъ вечеромъ полнымъ запаха скошеннаго сѣна. Цагери, безконечно длинный городокъ, расположенный на берегу рѣки Цхенисъ-Цхале, которая въ этомъ мѣстѣ очень широко разлилась, но и тутъ шумитъ и пѣнится. Въ немъ есть почтово-телеграфное отдѣленіе, обслуживающее громадное количество окрестныхъ деревень, включая деревни Верхней и Нижней Сванетіи, управленіе начальника уѣзда, больница съ докторомъ и фельдшерами, но дороги, кромѣ верховой, къ нему нѣтъ, и ѣдущіе изъ Кутаиса [1])

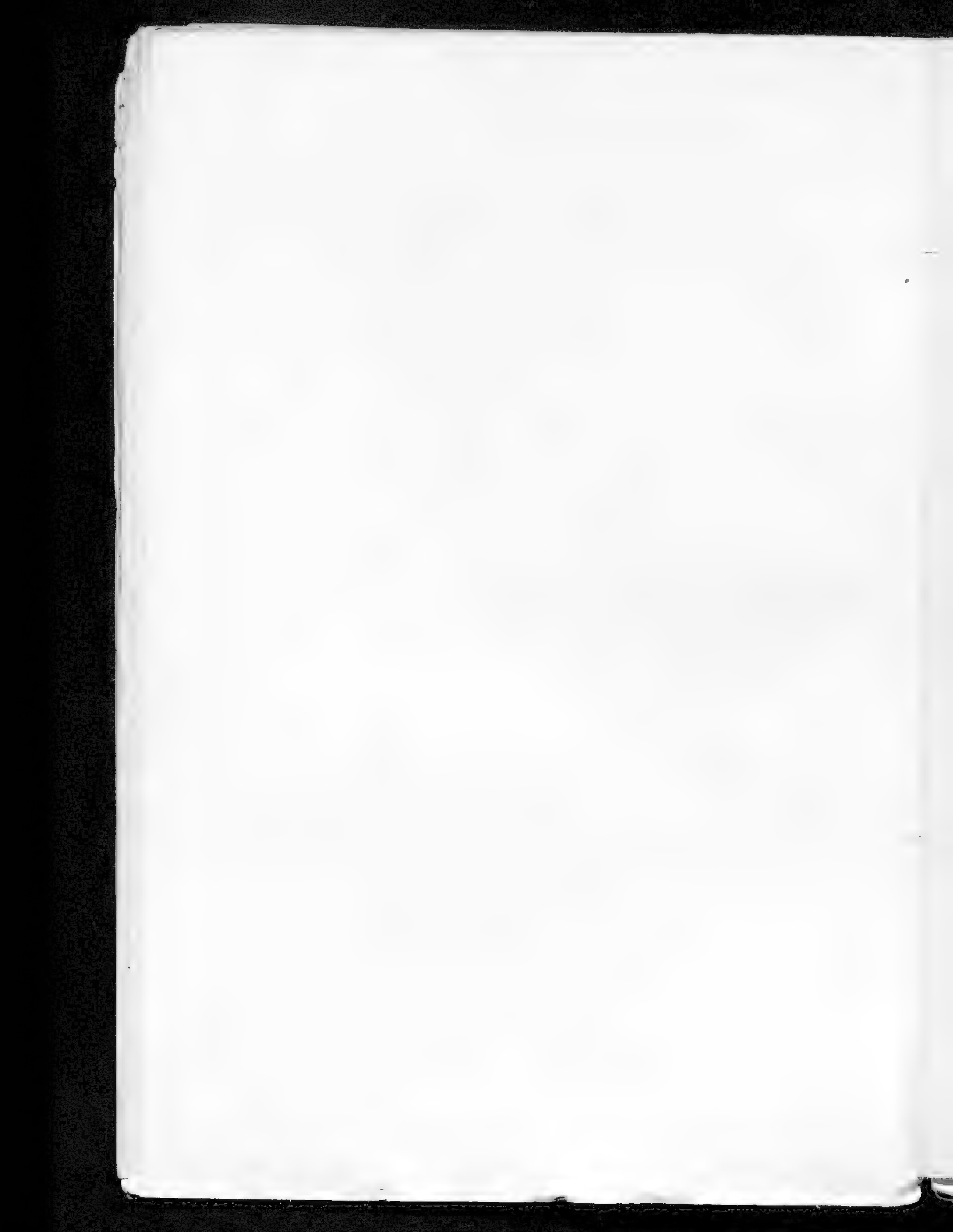
[1]) Гдѣ находится ближайшая отъ Цагери желѣзно-дорожная линія.



Крѣпость въ Цагери и Мури внизу.
(См. стр. 10—11).



Мостъ въ Цагери (Кутаиская губ.)
граница Нижней Сванетіи.
(См. стр. 10—11).



верстахъ въ 8 должны оставлять свой экипажъ и брать верховыхъ лошадей.

Мы ѣхали мимо лавокъ, которыхъ тутъ очень много, мимо «городского сада» съ лужайкой и нѣсколькими скамейками, мимо безплатной читальни, мимо безчисленныхъ духановъ, мимо чистенькихъ домиковъ, окруженныхъ садами, пока строенія не кончились и не выросли передъ нами громадныя скалы съ нависшими камнями и глубокими пещерами, надъ которыми росли деревья, и гдѣ ютились папортники и кустики дикой гвоздики. Между скалами перекинутъ мостъ. Мы переѣхали черезъ него въ $^{1}/_{2}$ верстѣ отъ города, спустились обратно по теченію рѣки, мимо еще одного духана, и въѣхали въ калитку, на длинную зеленую лужайку съ букетами громадныхъ деревьевъ, и тремя маленькими бѣлыми домиками, передъ которыми въ травѣ лежали 2 небольшія пушки.

Помощника управляющаго не было дома, къ нему куда-то посылали, и онъ велѣлъ сказать, чтобы мы устраивались въ одномъ изъ домовъ.

Устройство было болѣе чѣмъ примитивное: большая комната съ каминомъ въ углу, съ большимъ столомъ и то, что они называютъ кроватью, т. е. длинная деревянная скамейка, на которой лежитъ коверъ.

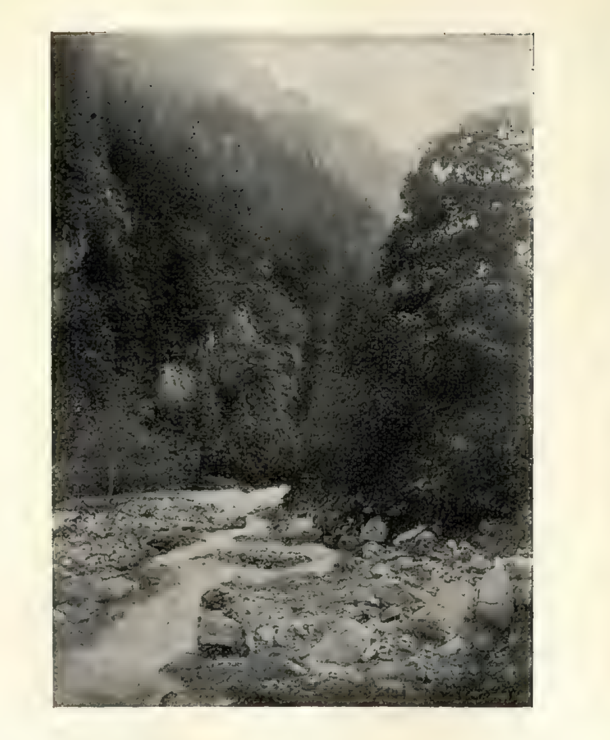
Къ счастію, былъ еще балконъ съ широкими перилами, на которыя мы ставили наши чашки, хлѣбъ и проч., когда садились за ѣду, и три стула. Но развѣ можно ворчать, когда кругомъ такая красота?

За мостомъ, гдѣ начинается Сванетія, въ скалѣ высѣчена тропа; рѣка дѣлаетъ поворотъ и за скалами свѣтятся снѣговыя горы. На скалахъ высоко стоятъ сторожевыя башни, а направо, надъ нами, старинная бѣлая крѣпость Дадіяни, которая отсюда кажется великолѣпнымъ дворцомъ.

Сегодня утромъ управляющій прислалъ намъ форелей, которыхъ тутъ приготовляютъ особеннымъ способомъ, нанизываютъ на одну палочку, посыпаютъ солью и жарятъ; а мѣстный сторожъ сварилъ намъ къ обѣду чехортму, супъ изъ курицы съ яйцами и разными травами; какъ перемѣна къ нашему обыкновенному меню, чая съ хлѣбомъ и сыромъ, это было превкусно.

Затѣмъ управляющій пришелъ къ намъ съ визитомъ и далъ намъ разныя указанія насчетъ нашего пути.

Онъ обѣщалъ письмо къ кому-то въ Ламалашурѣ, гдѣ мы можемъ проночевать первую ночь. Онъ очень любезный, ходитъ въ темно-красной черкесскѣ съ башлыкомъ, и радуется, какъ они всѣ, когда мы восхищаемся ихъ страной. Онъ слегка смѣялся надъ нашимъ намѣреніемъ итти пѣшкомъ по Сванетіи. «Зачэмъ пэшкомъ, когда можно вэрхомъ»? спрашивалъ онъ съ недоумѣніемъ. У него у перваго мнѣ удалось получить, наконецъ, кое какія свѣдѣнія о Сванетіи—собственно Сванетій три: Нижняя, которая тянется до Латпарскаго перевала, по рѣкѣ Цхенисъ-Цхале, Вольная и Княжеская—по ту сторону перевала, которыхъ обозначаютъ общимъ именемъ Верхней Сванетіи.



Рѣка Цхенисъ-Цхале между Ленуехами и Чолуромъ.

(См. стр. 12, 13 и 14).



Крѣпость въ Цагери.

(См. стр. 12, 13 и 14).



Онѣ лежатъ въ долинѣ р. Ингура и изрѣзаны отрогами главнаго хребта. Всѣ селенія расположены по берегамъ Ингура и потоковъ, берущихъ свое начало въ ледникахъ Ушбы, Тетнульда, Шхары и проч. Въ административномъ отношеніи это приставство Лечхумскаго уѣзда (Кутаисской губ.) и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ имѣетъ 14 тыс. жителей.

Мы окончательно рѣшили итти черезъ Латпарскій перевалъ въ Бечо, и оттуда внизъ по Ингуру до Жвари и Зугдиди.

Помощникъ уѣзднаго начальника, мѣстный сванетскій князь, присылаетъ намъ стражника, который будетъ сопровождать насъ до Бечо, такъ какъ наши знакомые въ Ново-Сенакахъ не совѣтовали намъ ѣхать въ Сванетію безъ стражника. Завтра мы двигаемся дальше, наконецъ, попадемъ въ эту страну, въ которую и мѣстные кавказцы и тѣ рѣдко заглядываютъ, и я увижу Ушбу и Бечо.

Ламалáшура. 2-го Іюля.

Мы въ Нижней Сванетіи, прошли 12 верстъ. Насъ ждалъ сюрпризъ. Вмѣсто этой ужасной Сванетской дороги, про которую мы такъ много слышали, мы шли все время великолѣпной тропою, среди очень населенной мѣстности. Мѣстами тропа огибала скалы, глубоко внизу справа шумѣлъ Цхенисъ-Цхала, а слѣва возвышались горы, покрытыя растительностью; съ нихъ то и дѣло сбѣгали ручьи прозрачной горной воды, образуя иногда цѣлые

водопады. Кругомъ нихъ—изъ всѣхъ скважинъ вылѣзали папоротники всевозможныхъ сортовъ и свѣшивались вьющіяся растенія и плющъ. Лѣсъ, громадный, вѣковой, изъ бука, липъ, чинаръ и елей, съ зарослями лавровъ и рододендроновъ смѣнялся поселками, увитыми виноградомъ.

Виноградниковъ въ Нижней Сванетіи нѣтъ; за виноградомъ не ухаживаютъ, ему просто предоставляется рости и разростаться, какъ ему вздумается, и онъ обвиваетъ дома, заборы, деревья, образуя цѣлыя стѣны и бесѣдки. Мѣстами дорога проходитъ подъ навѣсами, устроенными на подобіе итальянскихъ pergole, по которымъ виноградъ увивается сплошной крышей. Тѣнь и зеленый полусвѣтъ этихъ галлерей среди яркаго солнца—удивительно картинно. Было Воскресеніе, поэтому мы встрѣчали очень много народу; цѣлыя семьи съ дѣтьми въ яркихъ платьяхъ; кромѣ того, попадались стада барановъ, навьюченныя лошади, охотники съ собаками. Черкесокъ и башлыковъ почти больше не было видно; взамѣнъ ихъ Сваны носятъ звѣриныя шкуры и войлочныя шляпы. Изъ шкуръ же они дѣлаютъ мѣшки, которые надѣваютъ на спину—какъ Rücksack'и. Получается въ высшей степени своеобразное и живописное впечатлѣніе. И поселки ихъ, и они сами казались такими мирными и привѣтливыми, и мы такъ радостно при встрѣчахъ кланялись другъ другу, что странно казалось, что это та дикая Сванетія, для путешествія по которой намъ совѣтовали взять съ собой стражника.

Мы сдѣлали привалъ посреди дня, на берегу рѣки; противъ насъ, выступающимъ мысомъ, спускался лѣсистый берегъ, на которомъ стояла старинная крѣпость. Развели костеръ, достали чайникъ, провизiю. Провизiи оказалось очень много: мы сдѣлали себѣ запасъ хлѣба, чая, вина и проч., такъ какъ насъ предупреждали, что дальше ни лавокъ, ни хлѣба мы больше не увидимъ. Кромѣ того утромъ явился громадный подносъ отъ управляющаго, съ длинными плоскими хлѣбами, сыромъ и жареными цыплятами, намъ на дорогу. Свою мингрельскую любезность онъ довершилъ тѣмъ, что проводилъ насъ «пэшкомъ» нѣсколько верстъ.

Ламалашура—это нѣсколько домиковъ среди густого лѣса—контора итальянца, который, къ нашему стыду, закупилъ лѣсныя богатства Сванетiи. Лѣсъ сплавляется тутъ же по рѣкѣ. Сама контора помѣщается въ деревянномъ домѣ, построенномъ въ стилѣ chalet. Намъ отвели тамъ 2 комнаты, предупредивъ что на другой день, въ 12 часовъ, комнаты эти понадобятся владѣльцу, графу; фамилiи его намъ такъ и не сказали, называя его просто графомъ. Войдя въ отведенное намъ помѣщенiе, мы напали на нѣсколько современныхъ французскихъ романовъ и большое разнообразiе банокъ съ духами. Впечатлѣнiе отъ этого, среди глуши вѣкового лѣса, было очень странное. Антонъ и нашъ стражникъ, Георгiй, пресимпатичный отставной солдатъ, бывшiй въ Портъ-Артурѣ, съ тюрбаномъ изъ башлыка на головѣ, считали по-

чему то Ламалашуру «опаснымъ мѣстомъ», и объявили намъ, что если мы, по своему обыкновенію, будемъ спать съ открытымъ окномъ, то они лягутъ на балконѣ, подъ окнами, чтобы насъ охранять. Вообще наши проводники смотрѣли очень серіозно на свое дѣло охраны. Антонъ былъ, какъ выразился приставъ въ Мартвилли, который нашелъ его для насъ, изъ «благороднаго дома»,—двоюродный братъ, между прочимъ, одного изъ видныхъ с.-д. депутатовъ Закавказья,—и не могъ поэтому заниматься «всякой работою». Сдѣлаться же провожатымъ для насъ, путешествующихъ однѣхъ по Кавказу, онъ считалъ сообразнымъ со своимъ достоинствомъ. Онъ насъ смѣшилъ тѣмъ, что всегда спрашивалъ разрѣшенія снимать свой кинжалъ; а разъ, когда онъ снялъ его не спросивши, и мы нечаянно вошли въ комнату, онъ страшно смутился, и цѣлый вечеръ спросилъ извиненія.

Теперь мы сидимъ на балконѣ; тишина нарушается только шумомъ воды, да изрѣдка рѣзкимъ скрипомъ дерева, когда бревно наскочитъ на бревно. Кругомъ чернѣетъ глубина лѣса. Звѣзды громадныя на темно-синемъ небѣ; внизу мерцаетъ огонекъ въ открытой двери духана, откуда намъ приносили шашлыкъ. Запахъ ночи, листвы; какъ то жаль итти спать, хочется дорожить, вникнуть въ эти минуты, когда природа кажется такъ близка. Это первая наша ночь настоящаго путешествія.

Чолуръ 4-го Іюля.

Мы увидали въ первый разъ Сванетскія башни, подходя вчера вечеромъ къ Чолуру. Маргарита Ивановна, какъ она любитъ, чтобы ее называли по русскому обычаю, пришла въ такой восторгъ, что хотѣла тутъ же остановиться и начать рисовать. Мы выходили изъ безконечнаго лѣса, который, несмотря на всю свою красоту густой листвы, могучихъ стволовъ и шума пѣнящагося внизу Цхенисъ-Цхале, намъ начиналъ надоѣдать, и попали на открытую долину, освѣщенную послѣдними лучами заходящаго солнца.

На противоположномъ берегу на волнистыхъ холмахъ ютились небольшими группами, почернѣвшія отъ времени, каменныя зданія, кругомъ высокой такой же почернѣвшей башни,—образуя что-то вродѣ укрѣпленія. «Оно выглядитъ такъ патріархально,—собственная крѣпость», говорила М. И. Ее трудно было уговорить итти дальше, чтобы до темноты добраться до Чолура. Нашъ стражникъ ее утѣшалъ тѣмъ, что въ Верхней Сванетіи мы увидимъ цѣлыя села изъ однѣхъ башенъ.

Мы ночевали въ квартирѣ учителя, жена котораго, увидавъ насъ, пригласила къ себѣ. Въ каждой квартирѣ здѣсь, оказывается, есть запасная комната, въ которой не живутъ, а держатъ на готовѣ для гостей, и употребляютъ лишь въ торжественныхъ случаяхъ, 2 дивана, покрытые коврами, съ симметрично расположенными подушками, столъ съ книгами, каминъ съ невѣроятными статуэтками,

по стѣнамъ карта Кавказа изъ путеводителя Москвича и почему то карта Палестины, фотографіи какого то выпуска школы и семейныя группы, вотъ и комната для гостей Чолурскаго учителя. Его жена очень жалѣла, что не могла насъ ни чѣмъ угостить, такъ какъ мужа не было дома, но мы ее увѣрили, что у насъ все есть и, напротивъ, пригласили ее пить чай съ нами на ея же балконѣ.

Мы сами наслаждались сидя на чистомъ сухомъ балконѣ, и спаньемъ въ сухой комнатѣ, послѣ неудачной ночевки въ палаткѣ въ Лентехахъ.

Въ Лентехи, наканунѣ, мы пришли къ вечеру и, не доходя до деревни, увидали такое поэтическое мѣсто, что М. И., уставшая послѣ непривычнаго пути, сразу оживилась. Поляна среди горъ покрытыхъ лѣсами при впаденіи какой то быстрой рѣчки въ Цхенисъ Цхале, на берегу которой на отдѣльномъ холмѣ высилась хорошо сохранившаяся крѣпость (Ларашъ), вся залитая красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца; за ней, уходя въ туманную даль рядъ за рядомъ синія горы. Отъ сліянія рѣкъ еще больше шумѣла и кипѣла Цхенисъ Цхале, и еще бѣшеннѣе неслись по ней бревна, — стукались, опрокидывались и трещали; пѣна заливала огромные камни, которые на секунду чернѣли въ водѣ и снова исчезали въ бѣлыхъ брызгахъ. Какія то подозрительныя тучи закрывали полъ неба, но мѣсто было слишкомъ соблазнительно, чтобы не попробовать ночевать тутъ же въ палаткѣ. Мы ходили съ Георгіемъ въ

деревню въ „канцелярію“ (т. е. сельское управленіе), заказывать лошадей на завтра, для вьюковъ, и видъ душной закоптѣлой комнаты канцеляріи заставилъ меня согласиться съ М. И., что лучше ночевать въ палаткѣ.

Часовъ въ 9, когда, окончивъ ужинъ, мы сидѣли надъ рѣкой, слышу какой то оживленный разговоръ Антона съ кѣмъ-то. „Я хочу говорить съ этими женщинами“, кричалъ чей-то голосъ. Оказалось—волостной писарь, котораго не было дома, когда я ходила въ деревню. Онъ пришелъ насъ уговаривать перейти ночевать въ правленіе, т. к. энергично предсказывалъ грозу. Видя, что мы стоимъ на своемъ, онъ плюнулъ и объявилъ, что пришлетъ 4 человѣкъ насъ охранять! и лошадь, въ случаѣ дождя, чтобы перевезти вещи. Въ часъ ночи пошелъ дождь, мы не могли спать въ палаткѣ, думая о людяхъ, которые мокли у потухающаго костра. Мы отправили домой 3-хъ изъ четырехъ сторожей, и пригласили оставшагося, вмѣстѣ съ Антономъ и Георгіемъ, въ палатку. Имъ, видимо, было неловко заполнять наше помѣщеніе, и они ежились къ самому краю; одинъ только сторожъ моментально, сидя, заснулъ. Мы тоже, облокотясь на груды своихъ вещей, старались заснуть, радуясь, что у насъ такая хорошая палатка. Спустя нѣкоторое время, мнѣ почему то стало холодно, я встала чтобы посмотрѣть въ чемъ дѣло—наша хорошая палатка пропускала воду! и я, и всѣ вещи наши были въ лужѣ. Люди такъ постарались натянуть края палатки, что между

*

краемъ и дномъ образовалось отверстіе, куда вливалась вода, а въ пледѣ у меня лежали фотографическія пластинки и пленки!

Въ темнотѣ же пѣшкомъ идти въ канцелярію было немыслимо. Несмотря на всѣ эти происшествія мы такъ устали, что задремали къ утру. Насъ разбудили голоса. Было часа 4 утра; дождь переставалъ, въ палаткѣ никого не было, кругомъ нея стояла толпа. Напротивъ насъ, на камнѣ, очень важно, сидѣлъ великолѣпный старшина, въ темнокрасной черкескѣ и бѣломъ башлыкѣ, и отдавалъ приказанія; рядомъ съ нимъ лошадь и 4 вчерашнихъ сторожа. Они ожидали нашего пробужденія, чтобы перевезти насъ и вещи въ правленіе, гдѣ для насъ былъ уже приготовленъ большой огонь. Мы рѣдко такъ смѣялись, какъ глядя на наше печальное шествіе, подъ сырымъ небомъ, шлепая по грязи; даже крѣпость казалась менѣе поэтичной на своемъ одинокомъ холмѣ. Въ канцеляріи мы грѣлись, варили чай и сушили свои вещи, развѣсивъ ихъ на веревкѣ, протянутой по комнатѣ.

Останавливаюсь такъ подробно на этомъ случаѣ, чтобы показать отношеніе къ намъ, совершенно неизвѣстнымъ путешественницамъ, всѣхъ лицъ, съ которыми мы только имѣли дѣло. И старшина, и писарь, и „помощникъ“, и еще какія то лица серьезно безпокоились, чтобы мы не простудились, чтобы наши вещи не пропали, чтобы впечатлѣніе отъ Лентехъ не испортилось и мы не винили бы ихъ въ нашемъ приключеніи. И когда мы ихъ

увѣряли, что отлично знаемъ, что сами виноваты и нисколько не безпокоимся ни за себя, ни за свои вещи, и что всетаки находимъ Лентехи премилымъ мѣстомъ, о красотѣ котораго будемъ вспоминать, они радовались какъ дѣти.

Разумѣется, денегъ никто не взялъ, все дѣлалось изъ чувства гостепріимства къ туристамъ, путешествующимъ по ихъ странѣ. Однимъ мальчикамъ, принесшимъ намъ форели, разрѣшили „подарить" что нибудь. Другихъ мы только благодарили, давая имъ руку.

Часовъ въ 10 погода окончательно прояснилась и мы отправились въ Чолуръ. Отъ Лентехъ до Чолура 14 верстъ, которыя мы опять прошли пѣшкомъ съ удовольствіемъ.

Сегодня съ утра рано меня опять разбудили голоса, оживленно говорившіе на балконѣ. Было 6 часовъ.

Оказалось, что молодой князь К., узнавъ какъто о нашемъ пріѣздѣ отъ нашего проводника Антона, знакомаго съ какимъ то его товарищемъ, пришелъ къ намъ спросить, не нужно ли намъ чего, и предложилъ осмотрѣть ихъ башню, считавшуюся наиболѣе сохранившейся въ Нижней Сванетіи. Мы пригласили его выпить съ нами чаю и затѣмъ отправились къ нимъ. Мы шли тропинкою по берегу съ версту и увидали четырехугольную башню въ 4 этажа съ каменными пристройками и балконами кругомъ, украшенную наверху характернымъ орнаментомъ оваловъ надъ узкими бойницами. Башня стояла посреди зеленой лужайки

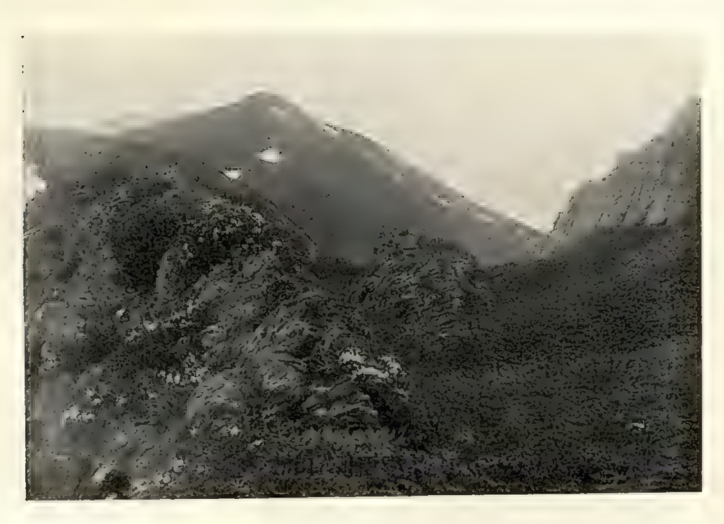
съ вѣковыми орѣховыми деревьями, напротивъ нея длинное бѣлое строеніе, съ верандою, очевидно построенное въ недавнее время. Тамъ на ступенькахъ веранды насъ ждали старая княгиня съ грузинскими локонами въ головномъ уборѣ, старый князь въ черкесскѣ и хорошенькая 18-ти лѣтняя дочь. Родители не говорили по-русски, поэтому мы говорили другъ другу красивыя фразы, которыя переводили сынъ и дочь. Они оба учатся въ городахъ и поэтому отлично говорятъ по-русски. Онъ кончаетъ реальное училище въ Кутаисѣ, она заведеніе Св. Нины въ Сигнахахъ. Я спрашивала у сына, что онъ намѣренъ дѣлать, когда кончитъ училище. „Поѣду въ Московско-Разумовское сельское-хозяйственное училище“, не задумываясь ни на минутку, отвѣтилъ онъ. „У насъ много земли, я долженъ *тутъ* жить, заниматься *своимъ* хозяйствомъ, *своимъ* народомъ“. Это желаніе вернуться къ себѣ, работать, учиться, чтобы совершенствовать и помогать у себя, намъ часто встрѣчалось на Кавказѣ у молодыхъ.

Посидѣвъ немного на балконѣ, мы всѣ отправились осматривать башню.

Ее никогда не перестраивали и она стоитъ, какъ стояла въ средніе вѣка. Кругомъ башни сдѣлана, очевидно тоже съ незапамятныхъ временъ, каменная пристройка. Это громадный четырехугольный сарай, съ однимъ небольшимъ окномъ, кругомъ стѣнъ устроены стойла для скота, ввидѣ навѣса съ рѣшеткой. Наверху навѣса зимой спитъ семья, а скотъ помѣщается въ стойлахъ. Посреди комнаты



Башня въ Чолурѣ (Нижняя Сванетія).
(См. стр. 21, 22 и 23).



Рододендроны на Латпарскомъ перевалѣ (9.296 ф.).
(См. стр. 33 и 34).



свѣшивается огромный желѣзный котелъ на желѣзной цѣпи. Подъ нимъ разводится огонь и варится обѣдъ; хлѣбъ печется на кускѣ желѣза или камня, который раскаливается тѣмъ же огнемъ. Дымъ уходитъ въ окно. Сбоку стоятъ ящики, гдѣ хранится зерно, и большой котелъ, въ которомъ настаивается, изъ бузины и дрожжей, мѣстная водка—аракъ. Насъ заставили попробовать аракъ, и мы могли только удивляться, какъ бѣдный сванетскій народъ можетъ ее пить съ удовольствіемъ. За этой жилой комнатой находится кладовая, гдѣ зарывается въ чанахъ вино въ землю и хранятся запасы хлѣба. Въ случаѣ войны, цѣлая семья могла запереться въ свою башню и прожить въ ней въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Лѣтомъ скотъ на пастбищахъ, въ горахъ, а семья спитъ въ деревянныхъ пристройкахъ.

Затѣмъ мы прошли въ самую башню. Всѣхъ этажей въ ней четыре; соединяются они примитивнымъ способомъ: въ потолкѣ, служащемъ поломъ слѣдующему этажу, продѣлано небольшое отверстіе, въ которое вколочена лѣстница или бревно, съ углубленіями ввидѣ ступенекъ. Въ стѣнахъ верхнихъ этажей длинныя щели ввидѣ оконъ, изъ которыхъ стрѣляли, и круглыя отверстія для обозрѣванія непріятеля. Князья раньше жили въ своихъ башняхъ, теперь они строятъ себѣ рядомъ чаще европейскіе дома, а въ башняхъ живутъ ихъ люди.

Сваны очень воинственные и горячіе, поэтому мнѣ говорили, что башни они строили не толь-

ко противъ враговъ внѣшнихъ, которые по недоступности ихъ страны, рѣдко въ нее проникали, но и противъ другъ друга, т. к. ссоры большею частью у нихъ кончались убійствомъ, за которое мстить должны были всѣ члены семьи. Поэтому средніе вѣка прошли для Сванетіи въ междуусобныхъ войнахъ. Можетъ быть оттого и осталось лишь 14 тысячъ свановъ, изъ того большого народа, который они раньше составляли и который заселялъ, согласно древнимъ картамъ, гораздо большую территорію, чѣмъ ту, которую они теперь занимаютъ [1]).

Башня, которую мы теперь осматривали, замѣчательна еще тѣмъ, что служила семьѣ защитою не только въ прежніе вѣка, но выдержала осаду еще совершенно недавно. Въ 1905 г. то, что мы называемъ революціею, съ особой силою захватило Сванетію. Сваны, воинственные, бѣдные и

[1]) О Сванетіи мы имѣемъ только смутныя свѣдѣнія въ грузинскихъ лѣтописяхъ. Знаемъ, что, по раздѣленію грузинскаго Царства, Сванетія досталась Имеретинскому Царю, который сталъ именоваться въ числѣ другихъ титуловъ Царемъ Сванетіи. Титулъ этотъ упоминается напримѣръ въ грамотѣ Царя Имеретинскаго Баграда IV къ Царю Алексѣю Михаиловичу (переписка грузинск. Царей съ русскими Государями стран. 81, грамота отъ 6 Января 1669 г. № 12). О неприступности страны для враговъ въ той же грамотѣ читаемъ: «такъ какъ мы не могли устоять противъ Султана и война не предвѣщала конца, мы оставили Лихтимеретію и укрѣпились въ гористыхъ мѣстахъ Рачи, Лечкута и Сванетіи. Божьей помощью и Вашимъ благополучіемъ они не могли проникнуть сюда»...

совершенно невѣжественные, особенно легко поддались пропагандѣ. Они желали объявить республику и перебить всѣхъ князей, которые были несогласны съ этимъ. 14 князей Картапхадзе отказались подчиниться требованіямъ народа и заперлись въ этой башнѣ и въ теченіе 3 мѣсяцевъ оборонялись въ ея стѣнахъ, стрѣляя изъ ея бойницъ, какъ это нѣкогда дѣлали ихъ предки. Наша хозяйка и жены другихъ князей, которыхъ не успѣли отправить въ Кутаисъ, жили въ нижнихъ этажахъ, т. к. туда не проникали пули; тамъ же былъ сдѣланъ запасъ провизіи. Въ верхнихъ этажахъ день и ночь дежурили по очереди 2 изъ осажденныхъ, высматривая непріятеля. Послѣ 3-хъ мѣсяцевъ, пришелъ отрядъ войскъ, посланныхъ намѣстникомъ, чтобы выручить ихъ и принести благодарность за вѣрность Государю. Въ Верхней Сванетіи было не то; были нѣкоторые князья, которые стали на сторону народа и хотѣли провозгласить республику (!).

Нѣкоторые изъ нихъ и теперь еще находятся подъ судомъ. Въ оправданіе ихъ К. намъ говорилъ, что тамъ, среди неприступныхъ горъ, князья были во власти народа и не могли поступить иначе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тонѣ его, когда онъ намъ все это разсказывалъ, чувствовалось презрѣніе къ тѣмъ, кто испугался народа, и гордость за своихъ — и любовь и уваженіе къ Россіи.

Нижняя Сванетія и къ Россіи присоединилась раньше другихъ: она подчинилась въ 1803 году

одновременно съ Мингреліею[1]). Затѣмъ Ціонъ, владѣтель западной части Княжеской Сванетіи вступилъ въ русское подданство въ 1833 г., а Татарханъ, владѣтель Восточной части, въ 1837 г. Вольная Сванетія, состоящая изъ самостоятельныхъ обществъ или маленькихъ республикъ, добровольно подчинялась Россіи въ промежуткахъ между 47 и 52-мъ годами.

Старшій сынъ князя офицеръ и сейчасъ находится въ Персіи. Жена его съ большой семьей дѣтей живетъ тутъ у родителей, и, пока мы рисовали, кругомъ насъ бѣгали совершенно русскія дѣти, за которыми присматривалъ деньщикъ.

Намъ еще показали надворныя постройки, гумно, гдѣ молотятъ на волахъ кукурузу, крошечную водяную мельницу, амбаръ, огородъ, всѣмъ этимъ они повидимому гордились. Чувствовалась семья, которая любитъ свое хозяйство и старается его улучшить.

Насъ не отпустили, конечно, безъ ѣды, а т. к. для ихъ обѣда было еще слишкомъ рано, то для насъ былъ приготовленъ столъ въ большой комнатѣ, служившей, повидимому, и спальней, и гостиной, и столовой. Вмѣстѣ съ нами угощали и нашего проводника Антона, т. к. онъ „происходилъ изъ благороднаго дома". Княгиня и княжна хотѣли намъ сами подавать, стоя кругомъ стола, но мы

[1]) Правитель Мингреліи князь Григорій Дадіанъ въ концѣ 1803 года въ первый разъ принялъ присягу на вѣрность Россіи.

наотрѣзъ отказались начинать ѣсть, пока онѣ сами не сядутъ, и, посмѣявшись немного надъ нами, онѣ сѣли съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлаютъ это только изъ любезности къ прихотямъ своихъ гостей.

Теперь передъ нами Латпарскій перевалъ и Верхняя Сванетія и полное бездорожье.

Каль. 5-го Іюля.

Мы рѣшили ѣхать верхомъ до коша подъ Латпарскимъ перевалом, гдѣ собирались ночевать, чтобы быть на перевалѣ при восходѣ солнца, когда чаще всего горизонтъ открытъ. Тутъ, на верандѣ школы, впервые начались нескончаемые разговоры съ владѣльцами лошадей. Насъ предупреждали въ Мингреліи, что въ Сванетіи деньги любятъ и запрашиваютъ. До сихъ поръ мы ѣхали прямо въ „канцелярію" и намъ давали сколько намъ понадобится лошадей по расчету 5-ти коп. съ версты. Тутъ обстояло дѣло иначе; старшина, старикъ съ застывшимъ, деревяннымъ лицомъ, упрямо стоялъ на своемъ, что получить можно только 2 почтовыя лошади, а намъ ихъ нужно было 5. На балконѣ набралась масса народу—сваны предлагали своихъ лошадей по 5 руб. до Каль. Шумъ стоялъ несмолкаемый—я говорила по-русски Георгію и Антону, которые переводили „помощнику" и онъ переводилъ по-сванетски людямъ, т. к. познанія обоихъ нашихъ проводниковъ по-сванетски были не велики. Кромѣ того я передавала по-англійски М. И. то, что успѣвала сообразить.

Намъ казалось несообразнымъ платить за почтовыхъ лошадей 1 р. 50 к., а за другихъ давать по 5 руб. Сваны очень тупы и боятся, что ихъ проведутъ. Они наши доводы не понимали или не хотѣли понять.

Къ счастію помогъ молодой К. „Зачѣмъ вамъ нанимать до Каль", посовѣтовалъ онъ намъ, „Тутъ цѣна 1 рубль въ день за лошадь,—наймите поденно". Къ великому моему удивленію сваны моментально на это согласились, а такъ какъ отъ коша, мы собирались итти пѣшкомъ и верховыя лошади намъ были нужны только на этотъ день, то разговоръ кончился ко всеобщему удовольствію.

К. раздобылъ намъ одно дамское сѣдло для М. И., а я рѣшила испробовать мингрельскую систему ѣзды по дамски на мужскомъ казачьемъ сѣдлѣ.

Мы съ сожалѣніемъ разстались съ К., который проводилъ насъ версты двѣ до «хорошей дороги». Онъ извинялся, что не ѣдетъ съ нами, не смотря на желаніе это сдѣлать, но его лошадь «въ горахъ» и чтобы ее поймать и привести нужно дня два; если бы онъ зналъ заранѣе о нашемъ пріѣздѣ, то конечно проводилъ бы насъ до Латпари.

Мы переѣхали Цхенисъ Цхале и нѣкоторое время ѣхали лѣвымъ ея берегомъ по узкой тропинкѣ въ ½ аршина шириной, вьющейся высоко надъ рѣкой, по откосу горы. Въ одномъ мѣстѣ эта тропинка пропадала подъ грудою камней и песку, очевидно, послѣ случившагося обвала. Георгію, ѣхавшему впереди, на своемъ умномъ Васкѣ, очевидно не каза-

лось непривычнымъ чувствовать какъ подъ копытами обрушивалась сторона горы, и куски песка и камней летѣли внизъ въ обрывъ. Но намъ это показалось страннымъ и, какъ бы сговорившись, мы обѣ одновременно соскочили съ лошадей, причемъ съ непривычки я запуталась въ поводѣ и очутилась позади лошади, а не впереди ея. Георгій придти мнѣ на помощь не могъ, т. к. поворачивать въ такомъ мѣстѣ, значило полетѣть внизъ на дно долины, поэтому мнѣ пришлось буквально проползти между копытами лошади. Къ счастью, Кавказскія лошади такъ привыкли къ подобнымъ дорогамъ, что она спокойно стояла и ждала, чтобы я ее взяла бы за поводъ и повела за собой.

Послѣ этого мѣста дорога круто заворачивала налѣво въ лѣсъ, и мы разстались съ Цхенисъ Цхале, по теченію котораго мы уже шли такъ много дней. Лѣсъ, великолѣпный изъ бука, граба, орѣшниковъ и каштановъ, былъ такой густой, что казалось что уже смеркается.

Послѣ 2 часовъ ѣзды по лѣсу начался серіозный подъемъ къ перевалу. Дорога теперь уже все время шла въ гору. Природа начала мѣняться, попадались все чаще и чаще березы, лѣсъ рѣдѣлъ, трава дѣлалась все выше и выше и покрывалась удивительными цвѣтами. Открывались между деревьями очаровательные проблески.

Лѣсъ кончился, мы очутились снова на краю ущелья, по откосу котораго росли букетами березы. Было такъ хорошо, что мы слѣзли. Солнце уже опускалось. Гармонія тоновъ была поразительна. Внизу,

долина, съ казавшимися отсюда крошечными селеніями, ближайшія за ними горы, покрытыя лѣсами, ряды скалъ и чуть посыпанные снѣгомъ дальніе зубцы, все начинало сливаться въ одной общей синей дымкѣ; одинъ Ценисъ Цхале блестѣлъ бѣлой лентою глубоко внизу, на днѣ долины. А тутъ передъ нами вырисовывалась, на мягкомъ фонѣ дали, сѣроватая кружевная зелень березъ и подымались изъ высокой травы свѣтло желтыя лиліи на длинныхъ стебляхъ. Онѣ росли то однимъ громаднымъ цвѣткомъ на концѣ стебля, то по нѣсколько соединенныхъ вмѣстѣ. По размѣру и типу онѣ были совершенно похожи на наши бѣлыя садовыя лиліи. Кромѣ нихъ тутъ же росли aquilegna съ синей верхушкою, изъ которой свѣшивались бѣлые лепестки, бѣлая и розовая гвоздика величиной съ нашу ромашку, лиловыя delfinium, розовыя и лиловыя маргаритки, совершенно черные тюльпаны, темно-розовыя звѣздочки съ щетинистою внутренностью и проч. Такого разнообразія великолѣпныхъ цвѣтовъ я никогда не видала. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ больше раскрывалось передъ нами ущелье и выше казались горы.

Мы остановились на минуту на лужайкѣ, покрытой березами, у балагана, который сванъ держитъ для пастуховъ и проѣзжихъ. Мы напились у него воды и купили 2 лепешки ржаной муки. М. И. пришла въ умиленіе отъ того, что онъ за все спросилъ только 10 коп., т. е. оцѣнилъ свои лепешки въ тѣ же 5 коп., которыя за нихъ спрашиваютъ внизу,

и накупила у него еще не нужныхъ намъ спичекъ, давъ ему за все большой «на чай».

Понемногу трава рѣдѣла, лиліи и aquilegna пропадали, и появились кусты азалій и рододрендроновъ, къ сожалѣнію уже отцвѣтшихъ. Дѣлалось холоднѣе. Поднявшись зигзагами на узкій гребень горы, мы на минуту увидали пройденный нами путь и всю долину Нижней Сванетіи на юго-западѣ, а на востокѣ деревни Сашеты и Чукули[1]), находящіяся въ 28 верстахъ отъ Чолура.

Около 7 часовъ вечера, проѣхавъ верстъ 18, мы подъѣхали къ мѣсту своего ночлега; на краю, на полянѣ, закрытой съ трехъ сторонъ крутыми горами, стоялъ кошъ, т. е. крошечная бревенчатая постройка. Передъ нимъ отдыхалъ цѣлый караванъ вьючныхъ лошадей; горѣлъ костеръ, у котораго грѣлись животныя и люди. Изъ долины подымался туманъ, горы сливались, однѣ березы безмолвно чернѣли надъ обрывомъ.

Мы переночевали безъ приключеній въ палаткѣ, но пробужденіе наше было грустное; кругомъ все заволокло бѣлымъ однообразнымъ туманомъ; моросилъ дождикъ, только въ сѣверо-восточномъ направленіи немного просвѣчивало желтоватое небо. Въ своемъ родѣ и это туманное утро имѣло свою поэзію. Гдѣ то кругомъ раздавалось мычаніе коровъ и ревъ быковъ, трава бѣлѣла отъ каплей измороси; пахло листвой, сквозь туманъ виднѣлись

---

[1]) Обѣ эти деревни извѣстны старинными драгоцѣнными иконами и крестами.

неясныя очертанія неподвижныхъ березъ. Кругомъ чувствовались невидимыя горы. Мы пробирались осторожно между сбѣгающими съ горъ стадами, которыхъ сгоняли на день съ вершинъ на лучшія пастбищныя мѣста. Несмотря на наше кажущееся равнодушіе, мы старались держаться на почтительномъ разстояніи отъ нихъ, такими они казались намъ громадными, сильными и дикими. До перевала было версты 4—5, по отвратительной тропинкѣ изъ черной липкой грязи, кругомъ не было ни одного дерева. Дорога вилась по хребту горы, и хотя мы подымались къ перевалу, она то и дѣло опускалась на дно глубокихъ балокъ, чтобы опять круто подняться вверхъ.

Дышать изъ-за тумана и крутизны подъема было трудно. Проблески безконечныхъ горъ, которыя иногда проглядывали изъ-за быстро движущагося тумана, дразнили своей неуловимой красотою. Травы почти не было, попадались только кусты рододендроновъ, на которыхъ висѣли лепестки отцвѣтшихъ цвѣтовъ; потомъ и они пропали, и тропинку часто пересѣкали ручьи ледяной воды; сталъ попадаться талый снѣгъ, въ которомъ, увязали ноги; склоны горъ чернѣли голой землею посыпанной камнями...

Гдѣ то вдали кричалъ дикій индюкъ; по словамъ мѣстныхъ охотниковъ, индюкъ другъ тура. Когда онъ видитъ людей, онъ кричитъ, чтобы предупредить о ихъ приходѣ тура, который успѣваетъ убѣжать отъ охотника.

Вдругъ, среди этой умершей природы я увидала на краю дороги цвѣтокъ: маленькая, свѣтлолиловая

примула съ яркожелтой серединкою росла своими характерными группами, пріютившись около камней среди этой черной земли, съ которой очевидно только совсѣмъ не давно сошелъ снѣгъ. Намъ говорили въ Чолурѣ, что перевалъ былъ открытъ всего 2 недѣли тому назадъ.

Впереди къ с. в. туманъ чаще всего прорывался, и передъ мною стала ясно обрисовываться пирамидка изъ камней на высшей точкѣ перевала. Несмотря на усталость, я бѣжала одна впереди, чтобы поспѣть хотя на секунду увидать панораму Главнаго Хребта. Но на верху было разочарованіе. Не видно было даже окружающихъ скалъ. Дулъ ледяной вѣтеръ. Думаю, что градусникъ былъ ниже нуля. Несмотря на это, мы рѣшили ждать въ надеждѣ, что туманъ подымется. Спустились только въ лощину, гдѣ вѣтеръ не такъ рѣзалъ лицо; люди развели огонь мы посушили немного свои насквозь промокшія ноги и сварили чай. Это іюль—что должно тутъ дѣлаться осенью, зимой и весной! А Латпари, по легкости тропы считается самой доступной дорогою въ Сванетію [1]).

Слегка отогрѣвшись, мы поднялись опять на гору, на ледяной вѣтеръ, но видъ началъ открываться и мы все позабыли. Прямо противъ насъ, изъ-за подымавшагося тумана, стала показываться

[1]) Зимой сваны пользуются болѣе трудными перевалами Мушурскимъ и Кильхрійскимъ, которые не обозначены на 5-ти верстной картѣ главнаго штаба. Мушурскій, наиболѣе употребляемый, начинается также отъ Чолура. Вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ снѣгъ на немъ не такъ бываетъ глубокъ.

цѣпь главнаго хребта. Она стояла передъ нами полукругомъ, какъ настоящая стѣна сѣровато-синяго цвѣта, на которой вырисовывались бѣлые узоры ледниковъ. Между ею и нами внизу лежало цѣлое нагроможденіе скалъ, кряжей горъ, покрытыхъ лѣсами, ущелій и холмовъ, на склонахъ которыхъ росли массами кусты розовато-желтыхъ и бѣлыхъ рододендроновъ въ полномъ цвѣту. У нашихъ ногъ, на пригоркѣ, кусты ихъ смѣнялись густой сочной травой, усѣянной темно синими генціянами. Солнце выглянуло, снѣга заблестѣли на горахъ, ихъ великолѣпныя очертанія, грандіозныя формы отчетливо выступили передъ нами. Вся цѣпь казалась такъ близка, что ясно можно было прослѣдить каждый ледникъ, каждую отдѣльную скалу. Къ сожалѣнію, какъ долго мы не ждали, верхушекъ горъ мы такъ и не увидали, онѣ остались закутанными туманомъ, а тутъ говорятъ видны Ушба, Тетнулдъ, Гистола, Шхара, Дыхъ-Тау и др. Георгій былъ въ большомъ горѣ, что намъ не повезло съ погодою, и все разсказывалъ, какъ онъ сопровождалъ года 3 тому назадъ помощника намѣстника Ватаци во время его путешествія по Сванетіи и какъ они завтракали тутъ же на травѣ, при чудной погодѣ.

Мы провели часовъ пять на перевалѣ; раза 2 все снова заволакивалось набѣжавшимъ туманомъ, мы мокли, и снова сохли, но оторваться не могли. Наконецъ пришлось начать спускъ, чтобы засвѣтло дойти до Калъ. Мнѣ очень толково объяснилъ Георгій, что когда мы спустимся съ Латпари, то

мы будемъ въ Верхней Сванетіи. И вотъ послѣ получасового спуска по скаламъ, покрытымъ рододендронами, мы завернули влѣво, и у нашихъ ногъ лежала Сванетія. Это казалось какая то сказочная страна, которую сама природа замкнула отъ внѣшняго вліянія. Дѣлалось даже жутко, смотря на эти снѣговыя горы, обхватывающія ее кольцомъ со всѣхъ трехъ сторонъ, на эти черные вѣковые лѣса, эти глубокія узкія долины, эти удивительныя ни на что не похожія, поражающія деревни. Особенно боковое ущелье, гдѣ лежитъ общество Ушкуль, производило впечатлѣніе. Въ Ушкулѣ, какъ и въ Местіи, почти нѣтъ дома безъ башни, а тутъ съ Латпари видны были однѣ башни: онѣ стояли правильными рядами, совершенно одинаковыя, высокія, четырехъ-угольныя, по 4 и 5 въ рядъ, и послѣдніе ряды ихъ терялись въ глубинѣ ущелья, за которымъ блестѣли снѣга Шхары. Отъ нихъ вѣяло чѣмъ то страшнымъ и непонятнымъ. Онѣ казались какими то громадными надгробными памятниками.

Глядя внизъ съ Латпари на гигантскую котловину Сванетіи, понимаешь все ея своеобразіе и отчужденность отъ всего міра...

Мы спускались внизъ, въ зеленую долину, въ лѣса, гдѣ цвѣлъ шиповникъ и ежевика. Опять пробѣжала туча и пронеслась гроза; ноги скользили по жидкой грязи, но дорога была настолько лучше подъема на Латпари, что мы съ удивленіемъ вспоминали какъ насъ предупреждали о непроходимыхъ Сванетскихъ дорогахъ. Въ Каль насъ встрѣтили, по обыкновенію, радушно. Георгій, на Васкѣ, поѣхалъ

впередъ, и въ помѣщеніи, которое намъ предназначалось,—на этотъ разъ 2 комнаты для туристовъ, почему то пристроенныхъ къ школѣ,—пылалъ огонь и кипятилась вода въ чайникѣ. Каль, какъ и всѣ Сванетскія деревни, состоитъ изъ отдѣльно разбросанныхъ группъ почернѣвшихъ отъ времени строеній: башенъ, которыя такъ поразили насъ съ перевала, пристроекъ къ нимъ, высокихъ домовъ, полуразрушенныхъ стѣнъ, всѣ съ характернымъ орнаментомъ оваловъ на верху. Кажется укрѣпленный средневѣковый замокъ со всѣми его attenances.

Школа и канцелярія стоятъ одиноко, на противоположномъ берегу Ингура, на краю луга, гдѣ мокнутъ подъ дождемъ копны сѣна и за которымъ начинается дремучій еловый лѣсъ.

Инаръ, 6-го Іюля.

Меня всегда интересовала Сванетія своей таинственностью и индивидуальностью. Отрѣзанная отъ остального міра 9 мѣсяцевъ въ году непроходимыми снѣгами, черезъ которые мѣстные жители, гонимые нуждой, съ рискомъ для жизни, дѣлаютъ всетаки попытки иногда пробраться. Кто дойдетъ, а кто и нѣтъ. И въ остальное время года, горы главнаго хребта и Лайлы дѣлаютъ ее доступной только для очень немногихъ любителей. Колесныхъ дорогъ нѣтъ ни въ самой странѣ ни на одномъ изъ путей къ ней. Во всей Сванетіи никто никогда не видалъ, ни одной телѣги! Рожь, сѣно возятъ и лѣтомъ на саняхъ.

И тутъ среди кольца горъ невѣроятной красоты, среди растительности безподобной по силѣ и разнообразію, живетъ все тотъ же народъ съ такихъ древнихъ временъ, что и Страбонъ въ своихъ сказаніяхъ упоминаетъ о немъ, называя его «воинственными сванами».

И мы чувствовали, что перенеслись въ какой то особый, прежнихъ вѣковъ міръ. Вольная Сванетія, какъ мнѣ хотѣлось увидать эту вольную Сванетію, считающую себя вольной среди своихъ скалъ и снѣговъ, когда кругомъ давно никто не думаетъ о вольности; народъ, который никогда не былъ крѣпостнымъ [1]), страну, которую никто не покорялъ, которая добровольно подчинилась Россіи, съ которой у нея одна вѣра. Это чувство, что мы одной вѣры, что поэтому мы какъ то свои, все время охватывало меня, пока я путешествовала по Кавказу. Тутъ же, въ Сванетіи, это чувствовалось еще сильнѣе. Эта знаменитая церковь Св. Квирика и Евлитіи, которую мы осматривали, мнѣ дорога потому, что

---

[1]) Въ донесеніи своемъ Великому Князю Михаилу Николаевичу отъ 3 Авг. 1899 г. Кутаисскій Военный Губернаторъ Графъ Левашевъ пишетъ: «крестьянскій вопросъ оконченъ мною въ обѣихъ Сванетіяхъ... Въ Вольной Сванетіи, послѣ подробнаго разбора мною правъ нѣкоторыхъ лицъ, называющихъ себя назаурами и заявляющихъ помѣщичьи права на крестьянъ, я удостовѣрился, что въ тѣхъ незначительныхъ приношеніяхъ, которыя нѣкоторые крестьяне дѣйствительно дѣлаютъ азнаурамъ, нельзя признать крѣпостной зависимости, т. к. между крестьянамй и помѣщиками никогда не существовало тѣхъ обязательныхъ отношеній, которыя вызываются барщиной или другими видами личныхъ службъ». «Надеждинъ». «Кавказскій край. Природа и Люди».

она и моя, какъ православной; она для меня священна, какъ и для свановъ, такъ какъ въ ней произносятъ тѣ же великіе слова, къ которымъ я привыкла, имѣютъ значеніе тѣ же обряды...

Мнѣ говорилъ еще въ Мартвили Епископъ Леонидъ, что въ Сванетіи такъ много древнихъ иконъ, потому, что во время войнъ съ иновѣрцами, иконы изъ Грузіи, Мингреліи и проч. свозили въ недоступную Сванетію, чтобы спасти отъ поруганія. Такимъ образомъ сванетскія церкви являлись какъ бы хранилищемъ иконъ православныхъ окрестностей. И этому хочется вѣрить, когда видишь, въ какихъ одинокихъ мѣстахъ, высоко на скалахъ, въ чащи лѣсовъ построены сванетскія церкви [1]).

Въ Каль мы осмотрѣли 2 церкви.

Волостной старшина, красивый бѣлокурый сванъ, въ бѣломъ башлыкѣ, хорошо говоритъ по русски и мы сразу съ нимъ подружились. Меня интересовало узнать отношеніе свановъ по вопросу о вольной Сванетіи—дѣйствительно ли они дорожатъ идеею о своей вольности, и разговоромъ объ этомъ я сразу подкупила его.

«И вы, въ Каль, дѣйствительно никогда никому не подчинялись? какъ это хорошо», говорила я.

---

[1]) Указаніе объ этомъ я нашла также въ «перепискѣ грузинскихъ царей съ русскими Государями», составленной по документамъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Такъ, въ архивѣ хранится грамота какого то воеводы Дмитрія, называющаго себя «воеводой всего Лечхума и Сванетіи», который пишетъ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1669 г., что «укрылъ въ своей странѣ Царя (Багратида IV) отъ преслѣдованія турокъ», и «также спасъ всѣ честныя иконы, кресты и мощи».

«Никогда ни кому, только Государю»! отвѣтилъ онъ, и въ голосѣ его слышалась спокойная само-увѣренность и чувство собственнаго достоинства. «Конечно, хорошо», съ усмѣшкою продолжалъ онъ. «Государю мы готовы служить, а князьямъ нѣтъ. Мы всегда тутъ жили; земля наша, церкви наши, все наше».

Я смотрѣла на постройки передо мною, по ту сторону стремительнаго потока, и съ невольнымъ уваженіемъ думала, что дѣйствительно предки вотъ этого самого старшины съ блестящей бляхою на груди и въ сѣрой поношенной черкескѣ жили тутъ въ этой самой башнѣ, въ теченіе можетъ быть 6 — 7 вѣковъ, никогда никому не подчиняясь, вольные и сильные, не терпящіе обиды, не боящіеся никого и ничего, не признающіе никакого суда, кромѣ собственныхъ обычаевъ. И безумно вѣрующіе и чтущіе только свои великолѣпныя иконы, запрятанныя среди дремучихъ лѣсовъ въ крошечныхъ церквахъ.

На этотъ разъ насъ особенно интересовали наши хорошія отношенія со старшиной, т. к. мы хотѣли осмотрѣть знаменитый монастырь Св. Квирика и Евлитіи, который, какъ насъ предупреждали, рѣдко показываютъ постороннимъ, особенно женщинамъ. Я спрашивала, отчего особенно женщинамъ?— на что мнѣ объяснили сами сваны, что графиня У. предсѣдательница Московской Археологической Коммиссіи, при посѣщеніи ею Сванетіи, увезла для Тифлисскаго музея одну изъ наиболѣе чтимыхъ ими иконъ. Съ тѣхъ поръ хранители церкви относятся

съ особымъ недовѣріемъ къ женщинамъ, пріѣзжающимъ въ Сванетію.

Разрѣшеніе осматривать церковь дается обыкновенно всей деревнею, которая для этого собирается на сходъ, или же благочиннымъ сванетскихъ церквей, живущимъ въ Местіи. И то, и другое требовало много времени, поэтому мы были очень обрадованы, когда старшина объявилъ намъ, что переговорилъ съ 3 сванами, на обязанности которыхъ лежитъ охраненіе церкви, и что они разрѣшили ее осматривать, если мы что нибудь «на нее подаримъ».

Дождь все лилъ, какъ изъ ведра.

Мы вышли въ сопровожденіи старшины, учителя и Антона и пошли по тропинкѣ вдоль Ингура; сперва въ одну изъ группъ селенія—осмотрѣть церковь, гдѣ служатъ каждое воскресеніе. Селеніе вблизи представляетъ нагроможденіе грязныхъ, высокихъ каменныхъ строеній, раздѣленныхъ другъ отъ друга крошечными переулками или дворами, гдѣ въ грязи гуляли свиньи, куры и бѣгали дѣти. Моментально всѣ крыши домовъ, двери, балконы и дворы наполнились народомъ, который со вниманіемъ, сосредоточено насъ разглядывалъ. Женщины улыбались и привѣтливо кланялись въ отвѣтъ на наши привѣтствія. Мы сняли одну группу и прошли въ церковь.

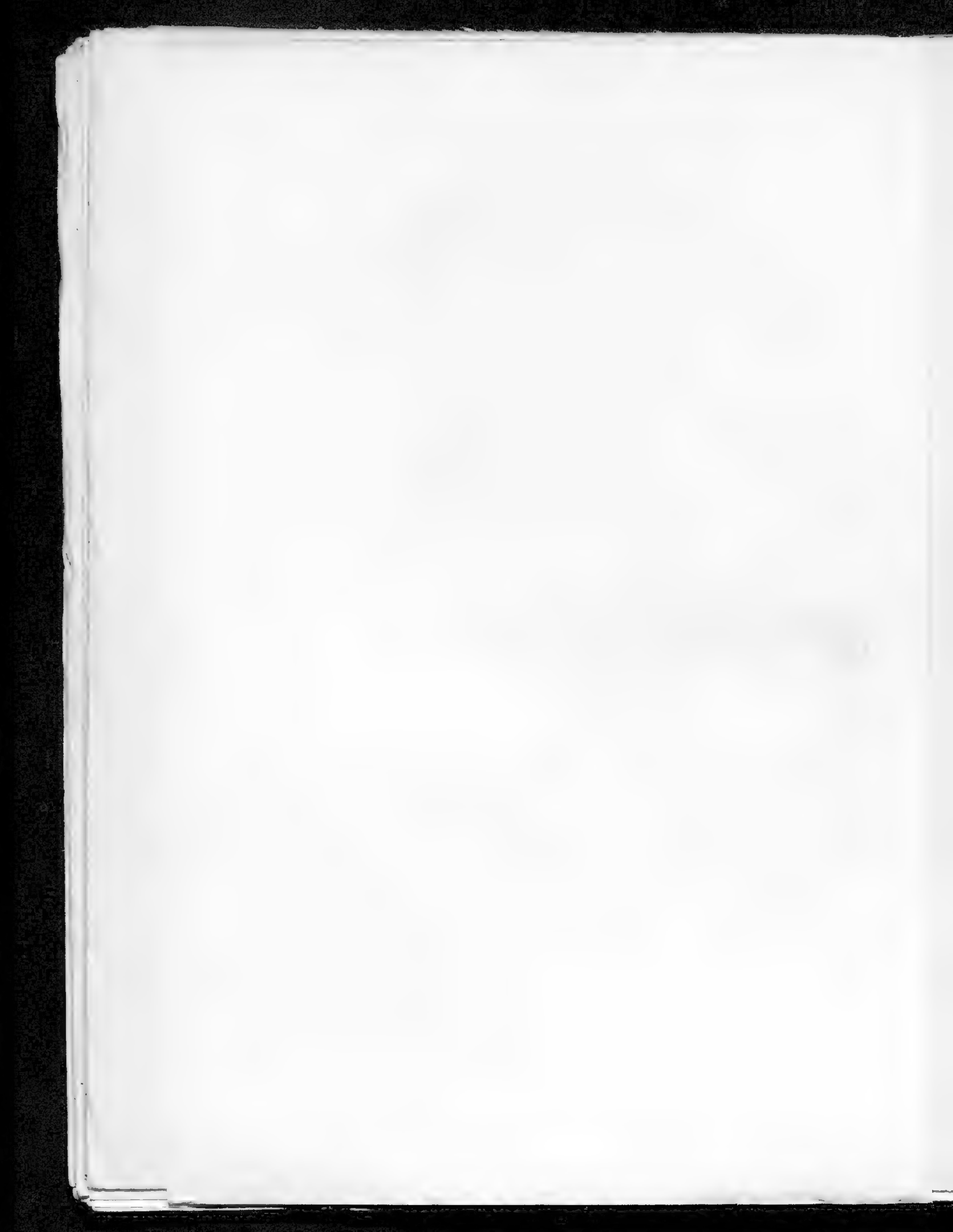
Сванетскія церкви всѣ на одинъ ладъ. Снаружи онѣ имѣютъ видъ небольшого почернѣвшаго отъ времени сарая съ крошечнымъ металлическимъ крестомъ на крышѣ. Внутри притворъ въ 2—3 аршина длины, затѣмъ церковь, обыкновенно



Внутренность Сванетской церкви
(въ Ленжерахъ).
(См. стр. 40, 41 и 42).



Церковь Св. Квирика и Ивлитіи.
(См. стр. 40, 41 и 42).



въ 7—8 аршинъ длины и 3—4 ширины, съ однимъ окномъ позади алтаря, каменнымъ иконостасомъ, состоящимъ изъ 3 арокъ на низенькой стѣнкѣ, отдѣляющей церковь отъ алтаря; по стѣнамъ каменные выступы; бываетъ еще иногда, посреди, что то вродѣ стола съ высокимъ крестомъ; и на всемъ этомъ нагромождены иконы въ драгоцѣнныхъ ризахъ и стоятъ серебряные и золотые кресты.

Всѣ стѣны и арки алтаря сплошь разрисованы фресками, сохранившимися почти совершенно. Болѣе сильнаго впечатлѣнія себѣ трудно представить. Такое невѣроятное убогое зданіе и такія художественныя драгоцѣнности. Краски, живописи удивительно сохранились и поражаютъ гармоніею тоновъ. Общій колоритъ гораздо мягче колорита итальянскихъ фресокъ. Многіе изъ образовъ представляютъ интересъ не только по богатству своихъ украшеній и по своей древности, но и по художественному выполненію святыхъ и орнаментовъ.

И вотъ въ такой церкви, оставшейся неприкосновенной можетъ быть въ теченіе 7-ти вѣковъ, молятся изъ года въ годъ потомки тѣхъ, кто ее строилъ.

Мы говоримъ о традиціяхъ—вотъ у кого сохранились традиціи—неужели удивляться суевѣрному чувству, съ которымъ сваны относятся къ своимъ церквамъ?

Тутъ, въ Калахъ, я просто замерла отъ удивленія, когда тяжелыя двери сарая открылись и мы увидали въ первый разъ этотъ удивительный музей.

Я не рѣшилась просить разрѣшенія сфотографировать внутренность церкви, не только изъ боязни ихъ обидѣть, но также потому, что сама испытывала чувство благоговѣнія передъ этой поразительной красотой и древностью. Развѣ молитвы людей, возносимыя въ теченіе столькихъ столѣтій, въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ, не оставляютъ на нихъ слѣда?

Сваны были очевидно довольны впечатлѣніемъ, которое произвела ихъ церковь, и съ гордостью смотрѣли на насъ. Мы дали имъ на церковь, поблагодарили и отправились дальше въ монастырь Св. Квирика и Евлитія. Согласно проф. Кондакова, слово монастырь у грузинъ часто обозначаетъ обыкновенную церковь [1]). Это такъ и надо понимать по отношенію къ Калской церкви, т. к. насколько я могла узнать, слѣдовъ существованія настоящихъ монастырей въ Сванетіи найти нельзя. Кругомъ этой церкви сохранились же довольно хорошо остатки крѣпости.

Дождь слегка уменьшился, но горы были покрыты по прежнему густой бѣлой пеленой. Казалось не было конца «священному лѣсу» изъ громадныхъ елей, обросшихъ сѣрымъ мхомъ, по которому, крутой тропинкой, мы подымались къ церкви. Вѣтра не было, капли дождя застывали на концахъ вѣтвей, яркозеленый мохъ и блестящіе

---

[1]) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издан. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. 4 Христіанскія Древности «Кавказа и Крыма» стр. 63.

листы на кустахъ рододендроновъ свѣтлыми пятнами выступали среди общаго мрака. Съ каждымъ шагомъ тропинка дѣлалась все круче и круче. Пока мы шли, старшина намъ разсказывалъ, что лѣсъ этотъ священный, что никто никогда не рубитъ его, даже на палку вѣтку и ту срубить нельзя, и если кто срубитъ вѣтку, то съ тѣмъ человѣкомъ непремѣнно случится несчастіе, что эту церковь постоянно охраняютъ 3 человѣка съ ружьями, у которыхъ свое помѣщеніе тамъ же, что служба бываетъ тамъ только 2 раза въ году, на пасху и въ день памяти Св. Квирика и Евлитія, и что тогда собирается туда со всѣхъ селеній народъ—ночуютъ тамъ, варятъ барановъ и быковъ, пекутъ хлѣбъ и пьютъ изъ старинныхъ ковшей аракъ.

Наконецъ показалась церковь. Она стояла посреди лѣса на скалѣ, совершенно неприступной съ виду. Кромѣ зданія церкви, у которой, въ отличіе отъ большинства сванетскихъ церквей, имѣется башня съ колокольней, на скалѣ находятся еще остатки крѣпости, построенной кольцомъ по самому его краю. Войти можно только съ одной стороны, по обвалившимся камнямъ, съ другихъ сторонъ—отвѣсная скала.

Въ крѣпости находится помѣщеніе, гдѣ варятъ и ѣдятъ во время праздниковъ. Въ немъ устроена съ незапамятныхъ временъ каменная плита, на которой пекутъ хлѣба; тутъ же стоятъ громадные чаны для арака, ковши съ древними надписями. Одинъ чанъ насъ заинтересовалъ, онъ казался новѣйшей работы, но исполненъ былъ художественно.

Оказалось работа мѣстнаго кузнеца. По словамъ старшины онъ такъ хорошо работалъ, какъ теперь никто уже больше не работаетъ, только съ нимъ случилось «несчастіе». Несчастіе заключалось въ томъ, что ему пришлось человѣка убить, послѣ чего онъ принужденъ находиться въ бѣгахъ. «Находиться въ бѣгахъ» или сдѣлаться бѣглецомъ совершенно обычный терминъ въ Сванетіи; всѣ преступники, которыхъ не успѣли сразу поймать, уходятъ въ лѣса—въ горы. Живутъ они часто не далеко отъ деревень и (часто) видятся съ родными.

Пока отворяли дверь въ церковь, насъ просили остаться въ крѣпости, «чтобы не видать устройства замка». Когда все было готово, позвонили въ колоколъ. Этотъ звонъ дребезжащаго колокола въ пустынномъ лѣсу, среди мрачныхъ полуобвалившихся стѣнъ крѣпости, производитъ сильное впечатлѣніе. Церковь Св. Квирика и Евлитія немного только больше размѣромъ обыкновенныхъ сванетскихъ церквей — замѣчательна же она по громадному количеству и богатству хранящихся въ ней иконъ, и по кресту, который прикрѣпленъ посреди церкви и почти доходитъ до потолка [1]).

[1]) Обычай имѣть подобные кресты по среди церквей, согласно профессору Кондакову, исходитъ изъ древнѣйшихъ временъ христіанства; ихъ ставили въ память креста, водруженнаго при Имп. Константинѣ Великомъ на мѣстѣ, почитаемомъ Голгофою. Обычай этотъ былъ перенесенъ и въ Грузію, откуда перешелъ въ Сванетію, гдѣ держится до сихъ поръ. Теперь, кромѣ Сванетіи, нигдѣ въ церквахъ подобные кресты уже больше не встрѣчаются.

Тутъ же хранится и золотой паланкинъ, принадлежавшій, по преданію, кажется царицѣ Тамарѣ.

Нѣкоторыя иконы, на которыхъ драгоцѣнные камни были особенно хороши и велики, были закрыты покрывалами, и сваны на одну секунду только ихъ приподымали, что-бы намъ ихъ показать. Они вообще смотрѣли на насъ съ извѣстнымъ выраженіемъ недовѣрія; лица ихъ только тогда прояснились, когда они получили 5 руб. на церковь.

Я вспомнила, какъ фотографъ Ермаковъ мнѣ разсказывалъ въ Тифлисѣ, какихъ трудовъ ему стоило сфотографировать образа изъ этой церкви. Не смотря на то, что съ нимъ находился благочинный всѣхъ сванетскихъ церквей, сваны воспротивились тому, чтобы иконы выносили бы изъ церкви для снятія съ нихъ фотографій. Благочинному пришлось прибѣгать къ угрозамъ, чтобы ихъ заставить согласиться на это, по ихъ мнѣнію, святотатство. Черезъ нѣсколько дней случилась буря съ градомъ, попортившая хлѣба. Сваны были глубоко убѣждены, что это наказаніе за то, что иконы были потревожены.

Глядя на ихъ насупившіяся лица и съ какимъ видомъ сторожъ упирался на свое ружье въ углу церкви, пока мы разсматривали образа, я легко могла повѣрить, что не будь съ нимъ благочиннаго, Ермаковъ могъ сильно поплатиться за свое намѣреніе воспроизвести, по порученію Археологической коммиссіи, сванетскія сокровища.

Говорятъ, что у свановъ суевѣріе, а не вѣра, что они чтутъ иконы, а не Бога, можетъ быть—но

это безпредѣльное преклоненіе свана передъ иконою, которое заставляетъ его признаться въ какомъ бы то нибыло преступленіи, разъ его привели къ присягѣ передъ чтимой иконою, которое лишаетъ его возможности солгать передъ ней, какой бы онъ преступникъ не былъ, не есть ли тоже преклоненіе передъ идеею Божества?

Сваны почти всѣ безграмотны, невѣжественны, вслѣдствіе ихъ отчужденности отъ всего прочаго міра, въ странѣ, гдѣ никогда не приходитъ почта, нѣтъ лавокъ, нѣтъ книгъ. Не только ихъ дома, примитивные и грязные, носятъ отпечатокъ среднихъ вѣковъ, но и они сами какъ бы застыли морально на уровнѣ тѣхъ временъ, когда люди были сильные, храбрые, мстительные, суевѣрные, простодушные, съ ограниченными понятіями о морали. Сваны удивительно симпатичны именно этимъ простодушіемъ, отвагою и почитаніемъ своихъ церквей. Серьезный, почти торжественный тонъ, съ которымъ мнѣ старшина разсказывалъ о неприкосновенности лѣса, среди котораго въ теченіе многихъ вѣковъ охраняются святыни, его же разсказъ о присягѣ преступника передъ иконою, показываетъ, что въ Сванетскомъ народѣ, несмотря на всѣ его отрицательныя стороны, есть сильный инстинктъ добра, который нужно только съумѣть развить и направить.

Въ этомъ году это религіозное чувство Popовъ и было использовано для ихъ же добра. Со словъ старшины и Георгія, которые каждый по своему разсказывалъ, что произошло, я вывела

слѣдующее: Сваны много воруютъ и часто лгутъ; судъ они не признаютъ и не уважаютъ; если дѣло кажется имъ достаточно важнымъ, послѣ русскаго, нашего суда, они по своему расправляются съ осужденнымъ, и, чтобы не произошло ошибки, ведутъ его къ присягѣ въ одну изъ особо-чтимыхъ ими церквей, монастырь Св. Квирика и Евлитія, лапахалскую церковь и др. Особенно почитаются монастырь Св. Квирика и Евлитія. Въ этой церкви, передъ иконами, сказать неправду, ни одинъ сванъ не рѣшается. Онъ признается въ преступленіи, и тутъ же ему назначается наказаніе, которое беретъ обыкновенно форму выдачи опредѣленной суммы денегъ потерпѣвшему лицу. Приставъ Сванетіи, самъ сванъ—недавно получившій это назначеніе, очень умный и энергичный человѣкъ, рѣшилъ постараться прекратить воровство, недававшее покоя жителямъ. Онъ призвалъ въ опредѣленный день свановъ изъ всѣхъ деревень въ эту самую чтимую ими церковь и подъ присягою опросилъ болѣе 2.000 человѣкъ о всѣхъ кражахъ, которыя они когда-либо сдѣлали въ своей жизни; показанія ихъ онъ лично записывалъ.

Всѣ сознавшіеся въ кражахъ затѣмъ должны были вернуть стоимость того, что они украли потерпѣвшему или его семьѣ, если его уже не было болѣе въ живыхъ. Если была украдена корова, то либо воръ долженъ былъ отдать корову же, либо дать столько денегъ, сколько стоила корова и т. д. Тутъ выяснилось много фактовъ: напр. семьи, которыя находились подъ подозрѣніемъ кражи или убійства, оказались невинными, а другіе, которыхъ

не подозрѣвали виновными. Съ тѣхъ поръ кражи въ Сванетіи почти прекратились! Впечатлѣніе отъ этой поголовной присяги было громадное [1]).

Все еще лило и лило, поэтому мы выѣхали изъ Каль очень поздно, часа въ 4 и не успѣли доѣхать до Мулахъ, гдѣ предполагали ночевать, и рѣшили остановиться въ Ипарѣ. Мы ѣхали верхомъ, такъ какъ нашли, что теряемъ слишкомъ много времени, когда идемъ пѣшкомъ, и рѣшили впередъ всегда, гдѣ возможно, ѣздить.

Лошади намъ попались хорошія—у меня была лошадь старшины съ великолѣпнымъ сѣдломъ. У М. И. дамское сѣдло, найденное у мѣстнаго фельдшера.

Дорога изъ Каль въ Ипаръ очень хорошая; она идетъ все время на днѣ долины, вдоль берега Ингура среди густого лѣса, изъ-за котораго иногда проглядываютъ окружающія горы и ледники. Впереди шелъ быстрой и увѣренной походкою сванъ, показывая дорогу. Ипаръ, въ 12 верстахъ отъ Каль, небольшое селеніе; старшины нѣтъ, но есть «помощникъ» и канцелярія. Мы туда и проѣхали. Комната оказалась чистой и съ обычнымъ каминомъ, широкими лавками по стѣнамъ и портретами Государя и Императрицы.

Видъ Ипара еще болѣе средневѣковый, если можно такъ выразиться. Башни различной вышины

[1]) Разсказъ этотъ впослѣдствіи мнѣ подтвердили благочинный отецъ Н. и самъ приставъ, признавая что кражи дѣйствительно значительно уменьшились. У меня также имѣется фотографія, снятая во время церемоніи.



Ипаръ.
(См. стр. 48).



Три князя Д. въ Бечо-Ушба.
(См. стр. 63).



торчатъ надъ стѣнами; въѣзжаютъ въ него черезъ громадную каменную арку, переѣхавъ которую, дѣйствительно, кажется, что находишься въ укрѣпленіи.

Минутъ черезъ пять все селеніе знало, что пріѣхали путешественники, и канцелярія съ прилегающей къ ней верандою, наполнилась народомъ. Пришли и женщины, и дѣти, и старики, и мужчины и съ очень привѣтливыми лицами стояли и смотрѣли на насъ. Говорить мы съ ними не могли, поэтому ограничивались улыбками и 2—3 грузинскими словами, которыя мы выучили. Нѣкоторые изъ нихъ удобно расположились на лавкахъ—дѣти кричали. Женщины осматривали наши шляпы и одобрительно кивали головами. Большинство были красивыя, сильной здоровой красотой. Къ несбывшимся предсказаніямъ о Сванетіи я могу причислить и то, что намъ говорили о сванахъ, что они опасные, некрасивые и всѣ почти съ зобами. Зоба мы пока не видали ни одного [1]). К. въ Чолурѣ хотѣлъ, какъ достопримѣчательность, разыскать и показать намъ одну старуху, служившую у нихъ, у которой былъ зобъ, но ея не оказалось дома; относительно же красоты, можетъ быть, по сравненію съ мингрельцами, которые замѣчательны, дѣйствительно, своей какъ на подборъ красотой, сванеты не такъ поражаютъ, но они все же скорѣе красивый народъ. Большинство хорошо сложены, держатся прямо, отъ постоянной ходьбы по горамъ сильны и ловки. Особенно среди молодыхъ и жен-

[1]) Не видали и впослѣдствіи, объѣхавъ всю Сванетію.

щинъ попадается масса красивыхъ лицъ; много бѣлокурыхъ съ круглыми лицами и правильными чертами. Не могу сказать, чтобы положеніе «важныхъ путешественницъ» оказалось особенно пріятнымъ—мы весь вечеръ не могли отдѣлаться отъ нашихъ посѣтителей, и когда наконецъ намъ удалось ихъ уговорить уйти, такъ какъ мы хотѣли спать, то большинство ихъ еще долго сидѣло на верандѣ съ нашими людьми, разспрашивая ихъ о насъ.

Местія. 7-го Іюля.

Мы въ Местіи, и радуемся этому; мы предполагали прямо проѣхать въ Бечо, но случилось иначе. Мы пропустили бы много интереснаго, если бы проѣхали мимо. Погода, наконецъ, чудная, мы выѣхали рано, напутствованныя всей деревнею. Мы хотѣли до вечера доѣхать до Бечо и увидать Ушбу,—всего около 30-ти верстъ.

Дорога шла сперва лѣсами въ гору—мѣстами такъ удивительно укатана, что казалось ѣдешь по парку,—до небольшого перевала, откуда открывается видъ на долины, покрытыя великолѣпною растительностью, окаймленныя снѣговыми горами. Послѣ перевала дорога спускается къ Муллахамъ.

Муллахъ, какъ и Ушкуль, лежитъ въ боковомъ ущельи. Башни его раскинулись по берегамъ Мулхрей, извивающагося потока, который беретъ свое начало въ ледникѣ Цаннеръ въ глубинѣ ущелья. Между имъ и нами спускались кряжи горъ, покрытые такими громадными елями, что на каждую изъ

нихъ приходилось бы смотрѣть, какъ на рѣдкость, если бы она росла у насъ въ любомъ ботаническомъ саду. Впечатлѣніе отъ Муллаха менѣе жуткое, чѣмъ отъ Ушкуля, долина шире и веселѣе— башни смѣняются домами, чувствуется жизнь. Дорога упиралась въ рѣку—пришлось проѣхать по карнизу горы, подымаясь затѣмъ такъ убійственно круто, что не вѣрилось, что даже и кавказскія лошади не остановятся и не покатятся внизъ въ бушующую пѣну.

Начинало дѣлаться очень жарко. Мы ѣхали по рѣдкому лѣсу среди кустовъ цвѣтущаго шиповника, когда передъ нами наконецъ, показалась Местія. Местія по величинѣ самое крупное селеніе (въ ней насчитываютъ до 70 башенъ) и едва ли не самое живописное. Оно лежитъ на высокомъ скалистомъ берегу, на которомъ торчатъ ели, при сліяніи двухъ потоковъ: Мулхре—вдоль котораго мы ѣхали, и Тюрбри, берущихъ свое начало въ громадномъ ледникѣ Лекзырь, по которому спускаются изъ Терской области въ Сванетію.

Мы сдѣлали привалъ на крутомъ берегу, прямо противъ селенія; лошадей пустили пастись, люди занялись приготовленіемъ чая, а мы рисованіемъ. Жара была страшная, я лежала и отдыхала передъ своимъ открытымъ ящикомъ съ красками, не въ состояніи работать, и по часамъ слѣдила за временемъ, которое летѣло; позднѣе трехъ выѣзжать нельзя было, такъ какъ до Бечо оставалось еще верстъ 18. Вдругъ, откуда то появились нѣсколько молодыхъ людей, одинъ въ формѣ какого-то выс-

шаго учебнаго заведенія. Они заговорили съ нами по-русски, разспрашивая про наше путешествіе. Лошади были уже осѣдланы и навьючены. Услыхавъ, что я еще хотѣла сдѣлать одну фотографію съ моста на бушующій потокъ, прорывающійся въ этомъ мѣстѣ между скалъ съ Тетнулдомъ на фонѣ, одинъ изъ молодыхъ людей взялъ мой аппаратъ, другой ножки, третій черную тряпку, и мы пошли впередъ, предоставивъ лошадямъ ѣхать за нами. «Неужели вы не останетесь въ Местіи? Это невозможно! Самое интересное село Сванетіи»—говорили они. «Мы вамъ все покажемъ, остановитесь у насъ, у моего отца, благочиннаго»—продолжалъ одинъ изъ нихъ.

Я наводила аппаратъ и думала: «въ сущности, зачѣмъ нѣтъ?»

М. И. верхомъ съ горы спускалась къ мосту, за ней весь караванъ. Къ общей радости, она также согласилась переночевать въ Местіи; наши новые знакомые взяли нашихъ лошадей подъ уздцы, завернули изъ Бегойской дороги къ въѣзду въ Местію, появилась еще и хорошенькая дочь благочиннаго, и спустя 10 минутъ, мы уже сидѣли на удобныхъ креслахъ на балконѣ отца Н., отдыхая физически и нравственно въ цивилизованной обстановкѣ.

Объ отцѣ Н. я давно слышала и хотѣла съ нимъ познакомиться. Онъ сванъ, человѣкъ въ высшей степени образованный и всесторонній. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые теперь стали попадаться даже и въ Сванетіи, посвятившій свою

жизнь своему народу. Сдѣлался онъ священникомъ съ цѣлью имѣть больше вліянія на свановъ. Онъ очень много пишетъ, занимается составленіемъ сванетскаго словаря, изучаетъ корни языка, исторію и древности своей страны. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе ученаго, углубленнаго въ свои занятія. При этомъ удивительно интересный собесѣдникъ.

Встрѣтили и устроили насъ такъ просто и радушно, что мы сразу почувствовали себя морально отдохнувшими. Передъ нами какъ разъ подымалась, изъ за разсѣевшейся къ вечеру дымки, остроконечная, совершенно бѣлая вершина Тетнулда, влѣво безчисленныя местійскія башни, окруженныя садами, за ними, на фонѣ снѣговыхъ горъ, зеленѣли луга и чернѣли лѣса. Тишина лѣтняго вечера, интересный разговоръ... Мы его прервали, чтобы пойти осмотрѣть, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, башню въ селѣ и знаменитый «черный камень».

Башня оказалась совершенно похожей на башню въ Чолурѣ, она была, если возможно, еще грязнѣе, съ еще болѣе ветхими ступеньками на лѣстницѣ, съ такимъ же зимнимъ помѣщеніемъ, соединяющимъ въ себѣ кухню, спальню и скотный дворъ. Затѣмъ мы спустились черезъ свиной хлѣвъ въ какую то черную дыру подъ землею. Я нерѣшительно остановилась передъ ея непривлекательнымъ видомъ — но хозяйка, дѣвушка Сванка, съ такимъ увѣреннымъ видомъ прыгнула въ дыру и молодой Н. меня такъ убѣдительно уговаривалъ, «что свя-

щенный камень не всѣмъ показываютъ, что это очень легко и совсѣмъ не такъ уже грязно», что я морально зажмурилась и прыгнула. Оказалось не такъ глубоко и грязно, какъ казалось сверху: просто подвалъ, гдѣ семья складывала въ теченіе вѣковъ свои запасы и настаивала въ чанахъ аракъ. Въ углу подвала мнѣ освѣтили свѣчей знаменитый «черный камень». Это совершенно гладкій, точно отполированный, камень, приблизительно въ ½ аршина величины, сплошного чернаго цвѣта. Породу я не берусь опредѣлить. Онъ лежитъ на каменной же глыбѣ. По преданію, онъ всегда находился тутъ въ этомъ подвалѣ и обладаетъ свойствомъ покрываться росой, «потѣть», какъ они это называютъ, при каждомъ новолуніи; также когда «онъ» сердится или чѣмъ нибудь недоволенъ. Говорятъ, что онъ остатокъ языческихъ временъ и что ему когда-то поклонялись. До сихъ поръ его чтутъ, и сваны глубоко убѣждены, что въ немъ обитаетъ какая то сила. Собственники камня приносятъ ему что то вродѣ жертвы, ввидѣ особенно испеченнаго хлѣба, разводятъ огонь около него и произносятъ молитвы православному Богу. Дѣвушка, которая его намъ показывала, очевидно гордилась, что камень находится у нея въ семьѣ. Меня же особенно поражала мысль, что семья ея жила вотъ въ этой самой башнѣ въ теченіе многихъ вѣковъ — не перестраивая ее, также теперь — какъ нѣкогда ея предки.

Мы осмотрѣли также и церковь — это кажется единственная церковь въ Сванетіи, выстроенная

вновь, съ поломъ, съ окнами, съ иконостасомъ—это созданіе благочиннаго. Его же мыслью было устроить колокольню изъ отдѣльностоящей башни, въ которой больше не жили, придѣлавъ на верху ея колоколъ. Въ церкви есть нѣсколько древнихъ иконъ въ драгоцѣнныхъ ризахъ. Особенно хороша икона св. Георгія Побѣдоносца и складень съ изображеніемъ Богородицы.

Вечеромъ отецъ В. Н. намъ показывалъ старинныя рукописи и Евангелія. Они всѣ на древнегрузинскомъ языкѣ и представляютъ большой археологическій интересъ. Почти въ каждой церкви въ Сванетіи хранятся старинныя Евангелія, многія изъ нихъ со спутанными, разрозненными листами. Часто на листахъ видны слѣды болѣе ранняго писанія, которое затѣмъ смывалось, и текстъ наносился вновь. Благочинный изучалъ ихъ, приводилъ въ порядокъ, опредѣлялъ время ихъ составленія, возвращая его затѣмъ той церкви, въ которой оно было найдено. Этотъ разъ у него было удивительно интересное Местійское Евангеліе, относимое къ XI вѣку. Кромѣ заглавныхъ буквъ, украшеній наверху страницъ передъ началомъ каждой главы, въ немъ поразительно исполнены нѣсколько картинъ изъ жизни 4 Евангелистовъ. Очень красиво было также Евангеліе изъ Адишской [1]) церкви, еще болѣе ранняго времени, приблизительно IX вѣка, съ удивительнымъ кожанымъ переплетомъ съ металлическими орнаментами. Отецъ В. Н. намъ показалъ

[1]) Село Адиши Ипарскаго общества.

также коллекцію старинныхъ предметовъ, которые онъ собираетъ, деревянные и металлическіе ковши, остатки посуды, кресты, украшенія и проч. мелкія вещи, которыя приносятъ ему изъ всѣхъ деревень крестьяне. Всѣ предметы были завернуты въ бумагу, и намъ нравилось съ какой любовью на нихъ смотрѣлъ отецъ В. Н. и какъ тщательно разворачивали и снова заворачивали ихъ его дѣти, для которыхъ очевидно коллекція отца была священна. Мнѣ нравилась вообще вся ихъ обстановка, довѣріе, которое чувствовалось между отцомъ и дѣтьми, глубокое уваженіе и гордость, которыя они испытывали къ нему и его любовь къ нимъ. «Вѣдь я ихъ только лѣтомъ вижу», говорилъ онъ, «зимой они учатся, и я одинъ (жена его мингрелька давно умерла). Докторъ и я мы утѣшаемъ другъ друга», продолжалъ онъ «никого кромѣ насъ тутъ не остается. Почту привозятъ можетъ быть разъ въ 2 мѣсяца — читаю, пишу, время проходитъ...»

Намъ очень жаль, что приходится спѣшить и ѣхать дальше. Намъ разсказывали про очень интересныя церкви Ушкульскаго общества, гдѣ много драгоцѣнныхъ иконъ, кромѣ того въ одной изъ церквей этого общества хранятся замѣчательные золотые и серебряные сосуды, монеты и даже старинныя женскія украшенія. Интересно также было бы побывать въ деревнѣ Халде, или скорѣе посмотрѣть на развалины этой деревни, построенной на скалахъ. Сваны лѣтъ 35 тому назадъ еще меньше подчинялись русскому суду, чѣмъ теперь. Они и теперь все еще не могутъ понять

зачѣмъ судъ, когда есть обычаи? И все равно отомщать за обиды родственниковъ священная обязанность каждаго свана. Полиціи, по ихъ понятіямъ, также нужно мстить какъ и частному лицу. Если чины полиціи кого-нибудь убьютъ, то конечно родственники убитаго обязаны убить чиновъ полиціи. Для нихъ не могло, да и сейчасъ не можетъ быть разницы между убійствомъ совершеннымъ частнымъ лицомъ и полиціею, поэтому, когда случилось, что полиція убила одного свана и всю его семью, обвинявшагося въ кражѣ быковъ у имеретинъ и сопротивлявшагося властямъ, всѣ родственики и близкіе его, возмущенные этимъ, истребили на почвѣ мести весь нарядъ полиціи вмѣстѣ съ уѣзднымъ начальникомъ и приставомъ. Были вытребованы войска изъ Кутаиса; 5 дней сваны защищались въ своихъ каменныхъ башняхъ, но на 6-й башни начали поддаваться пушечнымъ выстрѣламъ. Теперь ничего не осталось отъ деревни, кромѣ развалинъ: всѣ мужчины, оставшіеся въ живыхъ, были сосланы въ пожизненную ссылку въ Сибирь, женщины и дѣти разселены. Говорятъ, что не смотря на распоряженіе не заселять болѣе этой мѣстности, теперь тамъ попадаются обитатели, которые устраиваются кое какъ на развалинахъ разрушенныхъ крѣпостей въ тѣхъ скалахъ, которыя по ихъ понятіямъ ихъ собственность, какъ достояніе потомковъ тѣхъ «воинственныхъ свановъ», жившихъ на этомъ самомъ мѣстѣ, быть можетъ еще со временъ Страбона въ 1-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова.

Бечо. 9 іюля.

Ушба, Тетнулдъ, Лайла и безчисленныя меньшія вершины главнаго хребта всѣ сіяли вчера въ безоблачномъ небѣ, когда мы въѣзжали на перевалъ между Латалемъ и Бечо. Съ перевала лучшій видъ на Сванетію. Горы буквально васъ окружаютъ съ 4-хъ сторонъ; подъ вами долины, изрѣзанныя рѣками, къ которымъ спускаются съ горъ безчисленными бѣлыми змѣйками потоки и ручьи, по берегамъ зеленѣютъ поля и торчатъ башни.

Насъ провожалъ сынъ благочиннаго.

Благодаря ему, мы осмотрѣли и сфотографировали нѣсколько церквей въ Ленджерахъ. На одной изъ нихъ снаружи сохранились замѣчательныя своимъ своеобразнымъ сюжетомъ фрески, которыя изображаютъ бой какихъ-то странныхъ фигуръ—по словамъ отца В. Н. сюжетъ взятъ изъ древней поэмы Амирана.

Общества Ленджеры и Латаль, какъ и Местія, расположены въ самомъ широкомъ мѣстѣ долины Сванетіи. Онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ деревень, которая каждая имѣетъ свое названіе, въ разстояніи ½ версты или 1 версты другъ отъ друга. Проѣзжая по нимъ, кажется, что ѣдешь по маленькимъ городкамъ, по узкимъ переулкамъ среди высокихъ каменныхъ строеній съ арками и башнями. Кругомъ много полей, а такъ какъ мѣсто относительно ровное, то воздѣлывается лучше чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ Сванетіи. Въ Латалѣ намъ сказали, что приставъ насъ ждалъ тутъ съ утра и поѣхалъ впередъ въ Бечо, а что учитель-

ница латальской школы, его жена, насъ ждетъ къ себѣ. Я должна сказать, что это насъ достаточно удивило, — я предполагала, что приставъ понятія не имѣетъ о нашемъ существованіи, а онъ оказывается любезно насъ ожидалъ въ Латалѣ! Вчера отецъ В. Н. мнѣ также сказалъ, что «только наканунѣ узналъ о нашемъ пріѣздѣ въ Сванетію». Почты у нихъ нѣтъ, но извѣстія, повидимому, распространяются быстро, и какъ это краснорѣчиво доказываетъ, что Сванетію очень и очень мало посѣщаютъ, когда каждый пріѣздъ сейчасъ извѣстенъ всему населенію.

Учительница В. А. Г. насъ очаровала. Удивительно хорошенькая, черненькая, живая; отъ нея такъ и вѣяло силою и жизнерадостностью.

Она насъ расцѣловала, усадила кого, гдѣ могла въ своей крошечной комнатѣ, причемъ кровать служила диваномъ; сама принесла столъ и накормила насъ чуднымъ обѣдомъ, который закончился лѣсной земляникою, — земляникою они, очевидно, очень гордились. Потомъ пѣла намъ мѣстныя пѣсни, аккомпанируя себѣ мѣстнымъ страннымъ инструментомъ. Во время обѣда, вдругъ сняла съ пальца серебряное кольцо, сванетской работы и протянула его мнѣ. «У меня ничего нѣтъ другого вамъ подарить», проговорила она съ такой милой улыбкой, что я не могла его не принять и не полюбить.

На лугу танцовали подъ громаднымъ дубомъ, на фонѣ снѣговыхъ горъ. Мы пошли смотрѣть. Танцуютъ Сваны безъ музыки, поютъ и прихло-

пываютъ въ ладоши. Пѣсни со словами, иногда цѣлая легенда и сказанія. Поютъ очень своеобразно, выкрикивая отдѣльныя слова, и обрывая сразу, конецъ. Сперва трудно вникнуть въ мелодію,—кажется, что она совсѣмъ отсутствуетъ. Танцовали они «рамоданъ», подъ монотонное пѣніе въ 2 такта, круговой танецъ, когда танцующіе берутъ другъ друга за плечи и, раскачиваясь все сильнѣе и сильнѣе, выдѣлываютъ очень замысловатыя па ногами; потомъ, что-то вродѣ лезгинки, но менѣе плавно, съ большимъ притаптываніемъ ногъ. Женщины по большей части танцовали неграціозно, съ недостаточнымъ жаромъ и гибкостью, зато между мужчинами было нѣсколько очень хорошихъ танцоровъ, но всѣмъ было на видъ такъ искренно весело, что пріятно было на нихъ смотрѣть. Мы такъ засмотрѣлись на танцы, что къ Бечо подъѣзжали уже къ вечеру. Сванетія вся въ долинахъ, Бечо тоже долина, еще уже, еще болѣе замкнутая, чѣмъ другія; на днѣ ея извивается по зеленому лугу среди кустовъ, сѣро-желтый потокъ изъ ледника Ушбы. На лугу нѣсколько домиковъ; казармы стражниковъ, домъ пристава, духанъ, полуразрушенное зданіе суда; деревня гдѣ-то разбросана по склонамъ горъ, съ одного конца долины виднѣется голубая цѣпь Лайлы, съ другой, торчитъ во всей своей красотѣ каменная глыба Ушбы. Ея 15.000 футовая вершина, голая каменная стѣна съ нѣсколькими ледниками, которые бѣлѣютъ на ея красноватой поверхности, подъ вершиною на скалахъ снѣгъ. Это не мягкія очер-

танія большихъ вершинъ всегда покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, это громадная скала съ рѣзкими, опредѣленными линіями. Я думаю, потому она и производитъ такое удивительное впечатлѣніе чего-то могучаго и великолѣпнаго и оригинальнаго. Никакая другая гора на нее не похожа. Сразу въ цѣпи другихъ горъ узнаешь ея раздвоенную вершину.

На лугу у своего дома насъ ждалъ приставъ. Намъ очень интересно было съ нимъ познакомиться, послѣ разсказа про присягу въ Кальской церкви. Молодой Н. сынъ благочиннаго, по дорогѣ дополнилъ намъ то, что мы объ немъ слышали раньше. Онъ былъ учителемъ въ Латальской школѣ и писалъ статьи про Сванетію въ Кутаисскихъ газетахъ. Приставомъ онъ сдѣлался по предложенію губернатора. Приставъ въ Сванетіи—единственная административная власть, поэтому пользуется громаднымъ вліяніемъ.

Желая придти, дѣйствительно, на помощь своему народу, онъ согласился и горячо принялся за работу. За то время, что онъ сдѣлался приставомъ, въ Сванетіи больше порядку, воровство уменьшилось, дороги улучшились. Поразившая насъ дорога съ Латпарскаго перевала и до Бечо его работа.

Въ одинъ день Сваны всѣхъ деревень были командированы чинить тропу, и тропа, которая въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ была извѣстна какъ еле проходимая, сдѣлалась хорошей дорогою. Кромѣ того, недалеко отъ перевала имъ былъ построенъ домъ, гдѣ могли бы укрываться отъ не-

погоды Сваны, во время ихъ рискованыхъ переходовъ въ снѣгъ и бури осенью и зимой. До постройки этого дома многіе замерзали по дорогѣ, застигнутые мятелями вдали отъ жилья.

Приставъ, какъ и благочинный, занимается изученіемъ исторіи Сванетіи, стараясь возстановить по легендамъ, старымъ рукописямъ, разсказамъ и пр. ея происхожденіе и ея исторію. Съ кавказскимъ гостепріимствомъ онъ уговорилъ насъ устроиться въ его квартирѣ, а самъ съ Н. перешелъ къ стражникамъ. Въ его комнатѣ насъ поразили великолѣпно сдѣланная рѣзная мебель, мѣстной работы, фотографическій аппаратъ и чучело огромнаго тура, убитаго имъ самимъ. Рядомъ съ домомъ образцовая пасѣка. Показывая ее намъ, онъ разсказывалъ какъ мечталъ, на лугу, тутъ же на землѣ, пожертвованной княземъ Дадешкаліани, устроить пасѣку для окружающихъ деревень, цвѣтовъ много, пчелъ держитъ почти каждый крестьянинъ, но не умѣя съ ними обращаться и не имѣя хорошихъ ульевъ, они почти не даютъ меду. Правительство сперва пообѣщало дать субсидію на обзаведеніе, потомъ почему-то отказало, между тѣмъ необходимая сумма 300 руб. такъ мала, что кажется непонятнымъ такой отказъ, а для бѣдныхъ Свановъ, почти всегда недоѣдающихъ, производство меду было бы большимъ подспорьемъ. Я спрашивала у него про кустарныя производства. Оказывается Сваны выдѣлываютъ великолѣпныя сукна и войлочныя шляпы—похожія на настоящій фетеръ. Дѣлаютъ также и интересныя серебряныя украшенія, но сбыту,

конечно, быть не можетъ, пока не существуетъ дорога.

Мы ужинали на травѣ передъ домомъ. Кругомъ чернѣли лѣса, луна блестѣла на снѣгу горъ, потокъ шумѣлъ... Въ Бечо хочется жить, отдыхать. Это деревня какъ Местія и Латалъ городъ.

Утромъ пріѣхали два князя Д. въ черкескахъ и папахахъ. Одинъ изъ нихъ пригласилъ насъ поѣхать смотрѣть водопады Ушбы, а затѣмъ обѣдать у него въ Мазыри, имѣніе лежащее верстахъ въ 4 отъ Бечо. Намъ достали лошадей у стражниковъ, и мы всей компаніей отправились вдоль по ущелью, по направленію къ Ушбѣ, которая съ каждымъ шагомъ дѣлалась все грандіознѣе и грандіознѣе. Мы ѣхали мимо усадьбы князя. Таже высокая башня, тѣже каменныя строенія, только кругомъ одного изъ нихъ веранда новѣйшаго типа, а сзади очаровательный фонъ лѣсистыхъ горъ, выступающихъ одна за другой, за ними зубцы скалъ, съ спускающимися съ нихъ ледниками, надъ которыми возвышалась громадная масса Ушбы. Набѣгали черныя тучи, накрапывалъ дождь, но мы не обращали на это вниманія. Мы проѣхали сквозь каменную арку полуразрушенной стѣны мазырской усадьбы,—мимо башни и новаго дома и очутились на громадномъ полѣ, которое тянулось къ самому подножію горъ и гдѣ паслись стада коровъ и барановъ. Посреди поля уже стояла большая палатка и находились два брата кн. Д.

На нашихъ глазахъ развели костеръ и словили барана... Дождь переставалъ и пока баранъ жарился,

мы рѣшили ѣхать дальше къ водопадамъ. М. И. осталась рисовать Ушбу, которая возвышалась прямо передъ нами, а мы въ четверомъ поѣхали по лугу по направленію къ вѣковому лѣсу. Послѣ $^1/_2$ часа ѣзды, дорога сдѣлалась невозможная и князь намъ объявилъ, что дальше мы пойдемъ пѣшкомъ. Лошадей спокойно оставили въ лѣсу, а мы стали карабкаться по камнямъ по узкой тропинкѣ, подъ громадными вѣтками елей, покрытыхъ аршинной бахромой сѣраго моха. Князь зналъ каждый камень, каждый кустъ своего лѣса; онъ мнѣ разсказывалъ, что по этой тропинкѣ идутъ черезъ Бечойскій перевалъ (Юзенги) на ту сторону главнаго хребта въ Урусбіево. Бечойскій перевалъ на вышинѣ 11 т. футовъ, мы же находимся уже на вышинѣ 6 т. футовъ. Вдругъ дорогу преградилъ намъ потокъ и открылся видъ,—съ одной стороны, исполинскія темно-зеленыя ели дѣлали рамку для голубой цѣпи Лайлы, внизу пѣнился потокъ, съ другой, въ потокъ съ красноватыхъ скалъ спускались бѣлыми струями 4 огромныхъ водопада, за ними блестѣли ледники. Шумъ и грохотъ былъ до того силенъ, что разслышать слова другъ друга не было возможности. Мы перепрыгивали черезъ громадные камни, стараясь пробраться поближе къ водопадамъ и увидать за разъ всѣ 7,—о которыхъ разсказывалъ мнѣ князь. Но дѣлалось поздно,—и мы повернули обратно.

Въ палаткѣ насъ ждали давно, на полу была разостлана на коврахъ скатерть—стоялъ баранъ въ разныхъ видахъ, форели—«хача-пури»—разные сы-

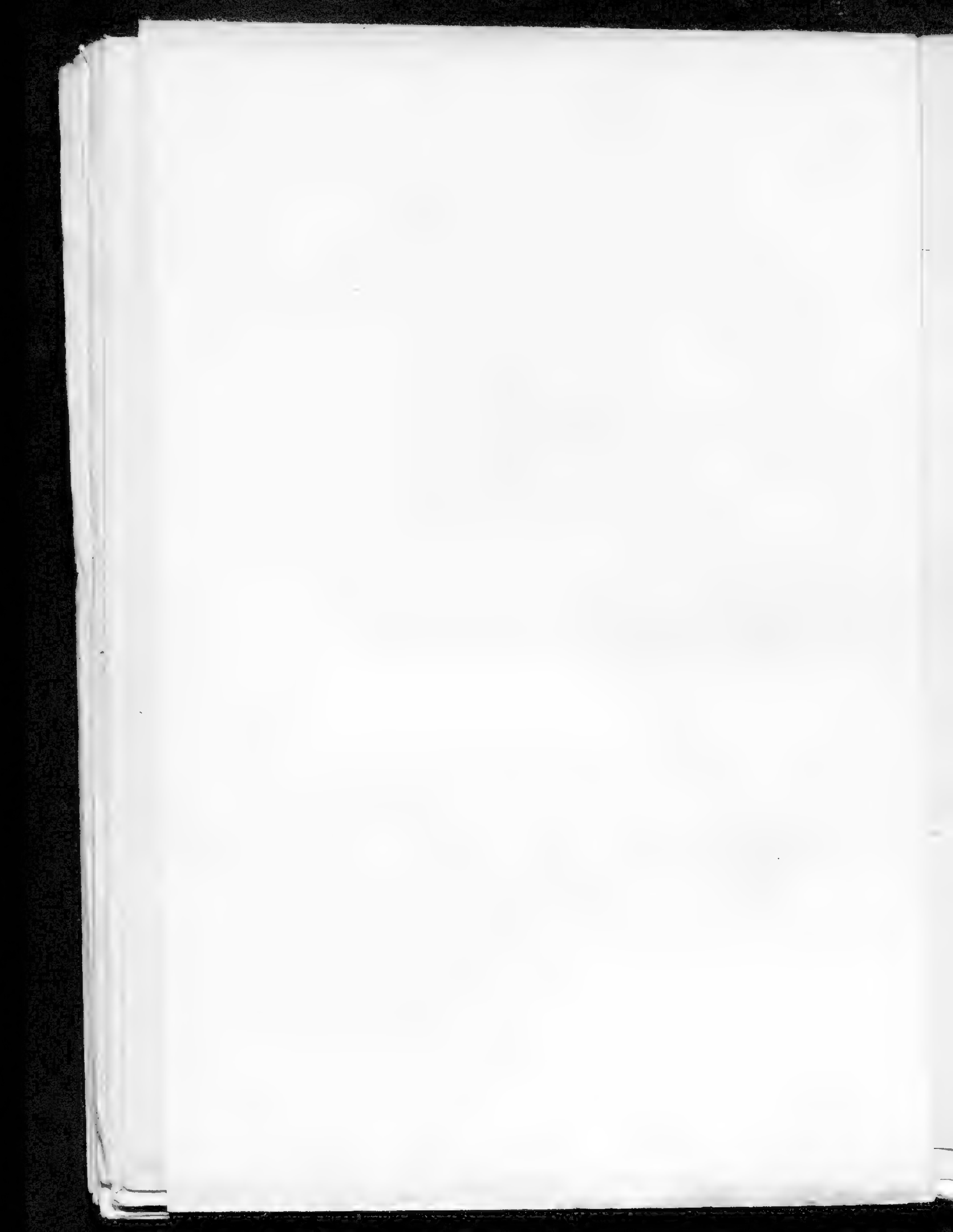


Водопадъ Ушба.

(См. стр. 64).



Сванетская деревня.



ры, травы и проч. По кавказскому обычаю пили за здоровье всѣхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ и пѣли многія лѣта. Потомъ, по нашей просьбѣ, пѣли сванетскія пѣсни, въ которыхъ мы уже начинали различать мелодію: дикіе воинственные обрывистые напѣвы, безъ конца, захватывающіе своей безграничной отвагою. Князь А. Б. Д. намъ разсказывалъ ихъ содержаніе, разсказывалъ про Сванетію, про ихъ обычаи, увлекался и снова чувствовалось даже въ немъ—живущемъ обыкновенно въ Тифлисѣ—полномъ интересовъ внѣ Сванетіи, горячая любовь къ своей родинѣ, къ своимъ горамъ, къ своему народу. „Можно выпить за здоровье Сванетіи“, спросила я, подъ впечатлѣніемъ минуты. Эффектъ былъ поразительный—они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вскочили со своихъ мѣстъ и, стоя бурно выпили тостъ до дна стакана.

На обратномъ пути, насъ занимали джигитовкою, лошади летѣли по ровному полю.

У воротъ усадьбы мы хотѣли проститься, поблагодаривъ за интересный день, но тутъ князь А. Б. намъ объявилъ, что по кавказскому обычаю пріѣздъ гостей зависитъ отъ нихъ—отъѣздъ же отъ хозяевъ, и что сейчасъ пойдетъ дождь, что даже люди его въ деревнѣ возмутятся, если онъ насъ отпуститъ домой въ такую погоду, и что поэтому мы всѣ должны у него остаться ночевать. Никакіе наши доводы не помогли, пришлось всѣмъ остаться, пославъ стражника въ Бечо, къ Антону, за нашими самыми необходимыми вещами. Потомъ мы не жалѣли, что остались—мы провели очень

интересный вечеръ, сидя на верандѣ новаго дома, слушая самые разнообразные разсказы про Сванетію и всѣ ея богатства. Что это за страна, если бы только существовали бы дороги! Какой интересный и продуктивный это былъ бы край—удивительная растительность — великолѣпные минеральные источники на каждомъ шагу, залежи самыхъ разнообразныхъ металловъ—хромъ, свинецъ, серебро, магнитный желѣзнякъ, уранъ, даже золото и радій—а дорогъ нѣтъ—сообщенія съ прочимъ міромъ нѣтъ. Два года тому назадъ,—послѣ посѣщенія Сванетіи Ватаци, была начата дорога изъ Джвари (Мингреліи) по теченію р. Ингура; 30 вер. были проведены; потомъ оказалось, что инженеръ, которому была поручена постройка дороги, пропалъ съ деньгами. Его судятъ, но денегъ уже больше нѣтъ. Чтобы снова получить ассигнованіе потребовалась огромная процедура до одобренія Государственной Думы включительно. Только въ іюнѣ этого года Дума пропустила дѣло. На этотъ годъ разрѣшили взять 50 т. изъ земскихъ денегъ, работа на дняхъ должна начаться, но 50 т. конечно недостаточная сумма для проведенія всей дороги. Окончанія ея поэтому нельзя ожидать ранѣе 3—4 лѣтъ.

Русскіе, повидимому, совершенно не интересуются краемъ. Ватаци года 2 тому назадъ—да графиня Уварова лѣтъ 10 раньше, профессоръ Марръ, вотъ и всѣ, кто сколько нибудь ее осмысленно осматривали. Что касается туристовъ, то по словамъ князя А. Б. иностранцы пріѣзжаютъ довольно

часто, русскіе же болѣе чѣмъ рѣдко, и я оказалась первая русская женщина, которую онъ видѣлъ путешествующею по Сванетіи. Дѣйствительно, къ стыду нашему должна признаться, что въ моемъ русскомъ путеводителѣ, ни слова не было сказано ни про Сванетію, ни про долину Баксана по ту сторону Главнаго хребта—и намъ приходилось руководствоваться свѣдѣніями изъ иностраннаго путеводителя Beddeker'а, котораго привезла съ собой изъ Англіи М. И.!

Дождь то лилъ, какъ изъ ведра, то снова луна проглядывала изъ за тучъ и освѣщала Ушбу, которая казалась тутъ, рядомъ совершенно близко. Намъ дали сперва горячаго молока, затѣмъ часовъ въ 10 горячій ужинъ, состоящій опять главнымъ образомъ изъ баранины. Обстановка всего дома была самая незатѣйливая. Столы, стулья, камины въ углу. Въ комнатахъ, которыя намъ отвели, стояло по одному дивану, покрытому ковромъ—съ безчисленнымъ количествомъ стеганыхъ одѣялъ— и по столу. Зато въ каминѣ горѣлъ большой огонь и къ намъ приставили дѣвушку, которая служила когда то, у кого то въ Тифлисѣ и понимала по русски. Князь А. Б. очень извинялся, что домъ его еще не устроенъ, такъ какъ послѣдніе годы онъ жилъ съ женой въ Тифлисѣ и только наѣзжалъ домой. Братья его, жившіе съ семьями въ старомъ домѣ, почти не говорили по русски— жены ихъ вѣроятно понимали еще меньше и намъ ихъ не показывали совсѣмъ.

*

Ново-Сенаки. 15 іюля.

На другой день погода была чудная и мы рано выѣхали изъ Мазыря, разсчитывая верхомъ доѣхать въ этотъ день до Лохамулъ, откуда должны были начаться наши странствованія пѣшкомъ и на мулахъ. Наканунѣ еще у насъ происходили торги съ поставщиками муловъ. Хлопоты по этому поводу взялъ на себя приставъ. По этой дорогѣ мало кто ѣздитъ и она считается трудной; по этому онъ намъ предложилъ еще одного стражника, хорошо знавшаго дорогу, а поставку 5 муловъ, которые требовались для насъ и вещей, поручилъ вѣрному человѣку. Мы съ нимъ сошлись по 11 рублей съ животнаго, включая погонщика, до Джвари, откуда начинается колесная дорога до Зугдиды. Путь этотъ верстъ въ 90—100 можно сдѣлать въ 3 дня. Н. разсказалъ мнѣ по секрету, пока мы ѣхали изъ Бечо, что приставъ поручилъ намъ нанять муловъ и доставить насъ въ Джвари именно Чипіону Чедіа, потому, что онъ двоюродный братъ преступника, который на этихъ дняхъ зарѣзалъ 2-хъ сестеръ и теперь «въ бѣгахъ». Такъ какъ Чедіа насъ сопровождаетъ, то бѣглецъ насъ уже не тронетъ.

Въ Сванетіи преступленія не рѣдки,—слѣдователь, съ которымъ я познакомилась въ Эцерахъ мнѣ сказалъ, что съ ноября, когда его назначили въ Сванетію, онъ имѣлъ 18 дѣлъ объ убійствахъ; но это преступленіе произвело впечатлѣніе даже и тутъ. Разбиралось какое-то дѣло о воровствѣ. Одинъ родственникъ обвиняемаго на судѣ объявилъ, что убьетъ всѣхъ свидѣтелей, которые по-

кажутъ противъ. Одна изъ свидѣтельницъ, дѣвушка, несмотря на это, показала противъ обвиняемаго, тогда онъ тутъ же убилъ сперва ее, бѣжалъ, затѣмъ явился, убилъ другую ея сестру на глазахъ у матери и поклялся, что убьетъ и всѣхъ другихъ.

По теченію Ингура за Лахамулами начинается почти совершенно незаселенная мѣстность, покрытая дремучими лѣсами, гдѣ каждое дерево въ нѣсколько обхватовъ; тамъ то живутъ преимущественно бѣглецы. Но мы никого не видали и нашъ длинный караванъ, состоящій изъ 5-ти совершенно ровныхъ, черныхъ лоснящихся муловъ, 3 свановъ, 2 стражниковъ, Антона и насъ двухъ, безъ всякихъ приключеній добрался до Джвари. По дорогѣ въ Лахамули мы заѣхали въ Эцери къ другому князю Д., съ которымъ познакомились наканунѣ. Оттуда насъ опять не пустили, поэтому мы и тамъ ночевали. Въ Эцерахъ была мать князя, очень милая старая дама, съ которой черезъ Н., такъ какъ она не говорила по русски, мы говорили другъ другу комплименты, сидя у нихъ на диванѣ. Тутъ же была его жена, сестра, жена другого брата и родственникъ, пріѣхавшій въ гости. У нихъ въ домѣ чувствуется цивилизованная жизнь—есть письменные столы, фотографіи, граммофонъ.

Обѣдъ былъ изъ 10 блюдъ, съ обычными тостами и подавали его дочь и жена младшаго брата. Вечеромъ мы поѣхали осматривать ихъ старинную родовую башню и вернулись при лунѣ. По возвра-

щеніи мы еще долго сидѣли, слушая сванетскія, грузинскія и гурійскія пѣсни въ граммофонъ и разсматривая фотографіи въ комнатѣ дочерей. Намъ жаль было нашего послѣдняго вечера въ Сванетіи, имъ—разставаться съ непривычнымя гостями.

За Лахамулали дорога дѣйствительно оказалась трудною. Ущелье Ингура очень узкое; по бокамъ рѣки почти отвѣсно подымались скалы, покрытыя вѣковыми лѣсами. Еле замѣтная тропинка, въ 1/4 аршина ширины, вилась по утесамъ, то опускалась на дно долины и переходила на другой берегъ по качающемуся мосту, чтобы обойти непроходимую скалу, то опять подымалась по скаламъ, за которыя приходилось цѣпляться, чтобы не упасть, и шла высоко надъ пропастью. Наверху шумъ Ингура замолкалъ и напоминалъ рокотъ ручья. Изъ за ближайшихъ утесовъ, за листвой деревьевъ, показывались хребты другихъ горъ, а первое время мелькали иногда и снѣговыя вершины. Мы шли и ѣхали 3 дня по этому пути и дорога начинала намъ надоѣдать.

Величина дубовъ, липъ, чинаръ и ясеней переставала насъ поражать; даже великолѣпные кусты лавровъ, подуба, азаліи, рододендроновъ казались намъ обыкновеннымъ явленіемъ. Потоки, которые ввидѣ мелкихъ водопадовъ стекались со скалъ, въ рамкѣ папоротниковъ и вьющихся растеній, пересѣкали дорогу и съ грохотомъ вливались въ Ингуръ, интересовали насъ теперь уже больше, какъ возможность напиться, чѣмъ, какъ картина. Было очень жарко; мы подвигались не скоро. Постоянно, вслѣд-

ствіе узкости дороги и крутизны скалъ—муловъ приходилось развьючивать и переносить на рукахъ вещи. Васька, къ великому горю Георгія, ранилъ себѣ до крови ноги на острыхъ камняхъ.

Иногда попадался земляной грунтъ, дорога вдругъ дѣлалась широкая, ровная и мы садились на муловъ. Очень хороши были привалы посреди дня, когда мы выбирали красивое мѣсто на берегу Ингура. Въ тѣни растилали свои пледы, люди намъ варили кипятокъ для чая и мы ѣли свой скромный обѣдъ изъ хлѣба и сыра,—муловъ пускали пастись въ густой травѣ. Георгій купалъ Ваську, мы рисовали, потомъ всѣ на часъ или 2 засыпали въ этой чудной обстановкѣ жаркаго лѣтняго дня среди грандіозной природы. Ингуръ шумѣлъ, и звуки непрерывнаго притока воды объ камни казались намъ мелодіею этого великолѣпнаго дня. Мы дѣлали въ среднемъ по 30 верстъ въ день, ночевали въ палаткѣ около группы домовъ, гдѣ жили друзья нашихъ проводниковъ. Въ первые 2 дня мы встрѣтили только 2 раза людей.

Одинъ разъ это была старая женщина, которая тащила на спинѣ мѣшокъ кукурузы; съ ней шелъ мальчикъ лѣтъ 12. Она еле подымалась по длинному, крутому каменистому подъему, сгибаясь подъ своей ношею. Ея радость, когда М. И. дала ей немного денегъ, была такъ велика, что намъ стало ее еще болѣе жаль. Такимъ образомъ, по мѣшечку Сваны перетаскиваютъ себѣ изъ Мингреліи кукурузы на прокормленіе, обрываются по камнямъ, ползутъ по твердымъ откосамъ, подъ которыми бу-

шуетъ Ингуръ, а поправить дорогу, сдѣлать ее возможной для вьючной лошади или мула имъ не приходитъ въ голову. Зато на 3-ій день нашихъ странствованій, намъ стали попадаться рабочіе—сначала отдѣльными группами, потомъ цѣлыми партіями. Они проводили дорогу въ скалѣ разрывая камни, часто обвязанные веревкой.

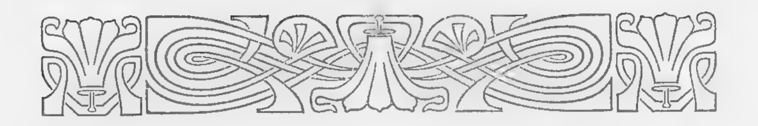
Дѣлалось понятно, что такую дорогу провести можно не скоро и что на нее потребуются громадныя средства.

Тутъ теченіе Ингура дѣлалось болѣе ровнымъ, начинались показываться бревна въ водѣ—снова истребляли лѣса. Мы проходили часто по ихъ скатамъ. Али, стражникъ изъ Бечо, бѣжалъ впередъ и свисталъ, кто то на противоположномъ берегу, стоящій гдѣ то высоко, очевидно слышалъ, свисталъ въ отвѣтъ и мы старались, какъ можно скорѣе, перебѣжать черезъ опасное мѣсто раньше чѣмъ снова стали бы спускать сверху бревна въ Ингуръ. Верстахъ въ 20—25 отъ Джари мы попали на уже готовую дорогу, ту дорогу, которую успѣли сдѣлать 2 года тому назадъ, раньше чѣмъ—какъ выражался Али (татаринъ изъ Дагестана, съ Георгіемъ, полученнымъ въ Японскую войну) «губернаторъ не съѣлъ деньги». Лѣса кончились, мы вступали въ Мингрелію и издали виднѣлись часто деревни.

Подымался туманъ, который превратился скоро въ дождь. Мы по обыкновенію далеко опередили свои вещи.

Ждать вещей не стоило, ѣхать рысью нельзя было, такъ какъ Али, показывающій намъ дорогу, шелъ пѣшкомъ, и вотъ мы въ продолженіе 15 вер. ѣхали подъ проливнымъ дождемъ въ однихъ платьяхъ. Какъ всегда, намъ помогла счастливая встрѣча,—насъ обогналъ мингрелецъ, съ которымъ Антонъ разговорился. Онъ оказался бывшимъ волостнымъ старшиной Джвари и поѣхалъ впередъ приготовить намъ комнату въ канцеляріи, поэтому когда мы насквозь промокшія, въ темнотѣ добрались до мѣста, то всѣ двери въ канцеляріи были открыты и насъ ожидалъ громадный огонь въ каминѣ. Напротивъ былъ духанъ, гдѣ все можно было достать, даже настоящаго хлѣба и карамелекъ. Мы заказали обѣдъ изъ цыплятъ и баранины для себя и для людей, высушили свои вещи и спали, какъ въ собственной постели, на твердыхъ скамьяхъ канцеляріи.

Сюда пріѣхали вчера поздно вечеромъ, сдѣлавъ 30 верстъ въ дилижансѣ до Зугдиды и 40—въ коляскѣ по чудному шоссе, въ очень некрасивой мѣстности. Сванетія кончилась, но намъ хотѣлось бы послушать совѣтовъ Н. и дополнить наше впѣчатлѣніе о Сванетіи, проникнувъ въ нее черезъ горы, со стороны долины Боксаны въ Терской области... можетъ быть еще въ этомъ же году.



II.

Черезъ перевалы Главнаго хребта.

Кисловодскъ. 11-го августа.

Мы объѣхали Кутаисъ, Тифлисъ были въ Гори, ѣхали на перекладныхъ по Военно-Грузинской дорогѣ и снова собираемся въ Сванетію, которая несравненно красивѣе всего того, что мы послѣ видали. Теперь насъ трое, такъ какъ къ намъ присоединилась моя пріятельница Е. З. Д.

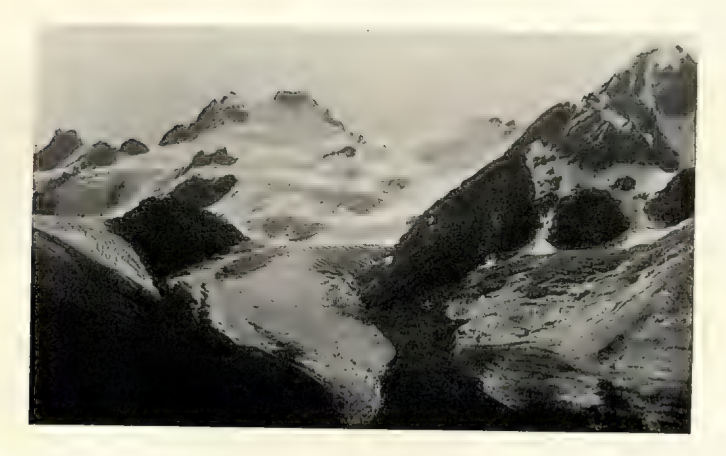
Достали карту и выбираемъ перевалы. Я вижу, что надо ѣхать на Урусбіево. Оно почему то меня болѣе привлекаетъ, чѣмъ Чегемъ; красивѣе, я думаю, и интереснѣе. Остановились на Местійскомъ перевалѣ, иначе называемымъ Адыръ-Су (12012 фут.).

Урусбіево. 16-го августа.

Я была права. Ѣхать надо было на Урусбіево, такъ какъ пропустить подобное мѣсто невозможно. Это какъ бы узелъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ пути на Сванетскіе перевалы и центръ красоты сѣвернаго Кавказа. Всѣ восхожденія на Эльбрусъ начинаются съ Урусбіева, поэтому по традиціямъ знаменитыхъ альпинистовъ вродѣ Presfpield'a Mummery и др. въ самомъ Урусбіевѣ привыкли смо-



Урусбіево.
(См. стр. 74, 75 и 76).



Перевалъ Адыръ-су (Местійскій) 12.012 ф. со стороны долины Адыръ-су.
(См. стр. 74—83).



трѣть на экскурсіи, какъ на одну изъ важныхъ задачъ человѣчества.

Я думаю, я никогда не забуду перваго впечатлѣнія Урусбіева и перваго нашего вечера въ гостепріимномъ домѣ князя Н. И. У., владѣльца, не только всей окружающей мѣстности, но и самаго Эльбруса. Эльбруса не видно отсюда, но онъ близко, всего въ 35-ти верстахъ, и не видать его потому, что Урусбіево находится въ котловинѣ, края которой кончаются льдами. Въ Урусбіевѣ не одна бушующая рѣка, шумъ которыхъ такъ восхищаетъ васъ въ Сванетіи, а ихъ 3 *), которыя сливаются вмѣстѣ подъ деревнею. Вода не шумитъ, а поетъ несмолкаемую пѣснь съ переливами, съ мелодіею, гдѣ слышится и грусть и сила, и могучая, ни чему неповинующаяся, ничему не покорная власть, безпрерывно, то громче, какъ будто захлебываясь, то мягко, переходя въ журчаніе будто бы ручья. По вечерамъ, отъ таянія ли снѣга за день, отъ окружающей ли тишины, но звуки воды кажутся яснѣе и громче, и больше еще въ нихъ жизни и голосовъ и настроенія. Я это не замѣчала сперва; для моего непривычнаго уха вода одинаково шумѣла и днемъ и ночью, но князь Н. И. всегда говорилъ:

— Вы слышите, какъ вода стала теперь шумѣть?—Когда мы сидѣли по вечерамъ на балкончикѣ нашей сакли—и я понемногу тоже стала различать разницу въ шумѣ воды.

*) Баксанъ, Кыртыкъ и Адыръ-Су.

Въ этотъ первый вечеръ была полная луна, она освѣщала снѣга и льды Адыръ-Су-Баши, который виднѣлся за зубцами передней цѣпи, прямо передъ домомъ,—она блестѣла яркимъ бѣлымъ свѣтомъ на кругломъ массивѣ Гогутай-Баши и Донгузъ-Оруна въ концѣ долины, она переливалась ослѣпительнымъ серебромъ въ пѣнѣ и брызгахъ, летящихъ съ 3 сторонъ, другъ въ друга потокахъ. Мы пошли смотрѣть на ея отраженіе въ потокахъ съ крыши какой-то сакли. Мои спутницы протестовали, когда я это предложила: «князь усталъ, мы и такъ долго сидѣли», говорили онѣ. Не знаю, усталъ ли онъ или нѣтъ, но я не пропустила бы этой красоты ни за что на свѣтѣ; я рада, что я ее видала, потому, что это не минутная радость, а впечатлѣніе, которое прибавляетъ что-то къ вашей жизни, научая васъ любить и цѣнить жизнь и красоту природы. Мы говорили дѣйствительно долго, князь намъ разсказывалъ про всѣхъ интересныхъ людей, съ которыми онъ знакомился и съ многими изъ которыхъ онъ подружился, при посѣщеніи ими Урусбіева. Передъ нами проходила цѣлая галлерея лицъ—альпинистовъ, путешественниковъ, ученыхъ, музыкантовъ; этихъ послѣднихъ привлекалъ его отецъ, извѣстный князь Измаилъ, самъ композиторъ, любитель музыки, старавшійся воскресить вымирающія мелодіи и пѣсни горцевъ.

Ихъ всѣхъ встрѣчали, принимали, устраивали и снаряжали,—сперва отецъ, а послѣ его смерти теперешній владѣлецъ Урусбіева. Разсказывалъ онъ намъ также и про свои планы для улучшенія

Урусбіева, когда кончится ихъ процессъ съ правительствомъ, который длится уже 42 года(!). И опять чувствовалось въ разговорѣ князя то, что я полюбила въ Сванетіи—любовь къ своей странѣ, страстное желаніе ей помочь, вырвать ея населеніе изъ темноты, изъ невѣжества, помочь ему стать на ноги, для этого отдать всю свою энергію, все свое время, всѣ свои силы. Неужели наше правительство не оцѣнитъ ихъ начинаній, не вникнетъ въ то, что они дѣйствительно хотятъ, вмѣсто того, чтобы ставить имъ палки въ колеса и искать всякаго удобнаго случая, чтобы имъ не довѣрять!

Недавно я читала, что «возбужденъ вопросъ о пріобрѣтеніи въ казну для русской колонизаціи принадлежащихъ туркамъ и *инородцамъ* земель на Кавказскомъ побережьи Чернаго моря». Выселить, иначе сказать, абхазцевъ, и проч. племена, жившія на этихъ мѣстахъ еще въ среднія вѣка, чтобы поселить на нихъ нашихъ крестьянъ, которые не привыкли къ условіямъ той мѣстности, не любятъ ихъ и не понимаютъ. Неужели не понимаютъ, что выселенные коренные жители непремѣнно сдѣлаются недовольными и что на сторонѣ ихъ будутъ многіе, даже очень благонамѣренные люди?

Наше путешествіе до Урусбіева происходило въ экипажѣ, и хотя, подъѣзжая къ Урусбіеву дорога хороша, мосты въ порядкѣ, благодаря стараніямъ князя У., тѣмъ не менѣе, мы не наслаждались нашимъ путешествіемъ. Проѣхать 120 верстъ въ неудобномъ рыдванѣ, полутелѣгѣ,

полубричкѣ, всѣ 3 въ рядъ, со всѣми нашими вещами, которыя валились намъ на колѣни и давили намъ ноги, съ какимъ то очень старымъ, очень глупымъ и совершенно не понимающимъ по-русски, кучеромъ, не особенно весело. Мы теперь такъ свыклись съ Кавказомъ, что не находили нужнымъ брать проводника или какую либо охрану, и рѣшили удовольствоваться фургономъ и кучеромъ. Стоило это намъ недорого — 44 рубля, включая на чаи.

Мы завтра съ утра уѣзжаемъ. 18 в. верхомъ до коша, гдѣ будемъ ночевать, чтобы съ разсвѣтомъ начать подъемъ на перевалъ. Мы тутъ пробыли 2 дня, чтобы снарядиться и получить проводниковъ.

Всѣ эти хлопоты взялъ на себя князь, который согласился, что, въ смыслѣ красоты, мы выбрали хорошо наши перевалы.

Подымемся въ Сванетію черезъ Местійскій перевалъ пѣшкомъ и вернемся верхомъ черезъ Донгеръ-Орунъ. Мы оставляемъ у него всѣ наши лишнія вещи, какъ это онъ намъ любезно предложилъ, такъ какъ намъ, къ нашему великому горю, приходится разстаться почти со всѣмъ нашимъ багажемъ. Лошади не могутъ пройти черезъ этотъ перевалъ, поэтому у насъ 4 проводника-носильщика, которые на спинѣ пронесутъ, что возможно.

17-го Августа. Привалъ у коша передъ Адыръ-су.

Мы въ лѣсу, на берегу рѣки, которая невидимо шумитъ внизу, кругомъ снѣговыя горы, на которыхъ свѣтится луна; небо темное, прозрачное, и

одна звѣзда на немъ; снѣгъ блеститъ, скалы сѣрѣютъ, а тутъ кругомъ черные силуеты громадныхъ деревьевъ; мы спимъ въ шатрѣ пастуховъ, завернувшись въ бурки; передъ нами горитъ костеръ, кругомъ сидятъ горцы и чинятъ обувь на завтра и поютъ. Болѣе сильной поэзіи природы я не видала никогда.

Даже Сванетія и та въ эту минуту отступаетъ на задній планъ.

Мы пріѣхали рано, успѣли рисовать, видѣли, какъ съ горъ спускались стада и чинно входили въ загородку, передъ кошемъ. Ѣли шашлыкъ, который жарился тутъ же на кострѣ, и знакомились съ нашими проводниками. Первый Келеметъ, котораго князь совѣтовалъ намъ оставить съ собой до возвращенія въ Урусбіево, отпустивъ другихъ послѣ перевала, высокій, красивый, бѣлокурый горецъ, съ подвижнымъ лицомъ, всегда веселый, самоувѣренный, при этомъ съ наивнымъ довѣрчивымъ выраженіемъ лица. Какъ они своего князя просто называютъ по имени, безъ отчества, такъ и насъ онъ сразу началъ называть по тѣмъ уменьшительнымъ именамъ, которыя онъ слыхалъ, что мы давали другъ другу. По-русски онъ говоритъ, но очень своеобразно и трудно понимаетъ, что ему отвѣчаютъ, если употребляютъ не его спеціальныя выраженія. Намъ онъ говорилъ «ты», а про себя говорилъ «мы».

Второй по важности, Хаджи Мурза, сморщенный, небольшаго роста, и, очевидно, уже не молодой, но очень услужливый, большой разсказчикъ и

запѣвало. Онъ на ихъ нарѣчіи, гдѣ все слышится французскій звукъ „u" разсказываетъ безконечныя исторіи, отъ которыхъ другіе покатываются отъ смѣха. Мы его очень интересуемъ; онъ никогда не видалъ, чтобы женщины ходили черезъ этотъ перевалъ. По русски онъ почти не говоритъ, но съ апломбомъ выговариваетъ 2—3 слова. 3-й Харунъ Алабаевъ, черный, красивый, небольшого роста, совершенно еще молодой, въ сванетской шляпѣ и лиловой рубашкѣ, ничего не говоритъ, только слушаетъ и, какъ Келеметъ намъ сообщаетъ, имѣетъ брата, который живетъ въ Местіи.

Послѣдняго, Чеми Будаева, мы прозываемъ медвѣдемъ, онъ какъ то весь замотанъ одеждою, съ бородой, мало улыбается и сосредоточенно вкладываетъ пуки сѣна въ свои чувеки.

Обувь у горцевъ для ледниковъ состоитъ изъ переплета изъ веревокъ, въ который вкладываютъ пластами сѣно, чтобы грѣть ногу и не скользить. Пастухи угощаютъ насъ айраномъ изъ бурдюка. Они, повидимому, уступили намъ свое мѣсто въ шатрѣ и будутъ спать съ нашими людьми передъ костромъ. Во время нашего разговора выяснилась довольно интересная вещь. Черезъ этотъ перевалъ никто изъ нашихъ проводниковъ не ходилъ! У Алабаева братъ живетъ въ Местіи—всѣ они ходили до перевала и знаютъ его съ виду—вотъ и всѣ ихъ познанія. Я стараюсь ихъ бранить, но мы всѣ такъ счастливы при мысли, что завтра мы будемъ на ледникахъ, что серьезно относиться къ этому не можемъ. Къ тому же Хаджи Мурза насъ такъ краснорѣчиво утѣ-

шаетъ: «дорогъ хорошъ, будетъ дорогъ». Сколько времени возьметъ нашъ перевалъ, конечно, никто поэтому не знаетъ.

Местія. 20-го Августа.

Мы дошли сюда на четвертый день вмѣсто второго. 17-го утромъ, когда снѣгъ загорѣлся розовымъ свѣтомъ зари, насъ разбудили; чайникъ уже закипѣлъ, намъ принесли ледяной воды изъ рѣки помыться; мы рѣшили не вынимать нашихъ резиновыхъ тазовъ изъ мѣшка, чтобы не увлекаться своимъ туалетомъ, думая, что, по всей вѣроятности, вечеромъ будемъ въ Местіи. Наши лошади остались у коша, попросту въ лѣсу, однѣ. Люди нагрузили только одну, самую старую, нашимъ багажемъ и мы тронулись.

Мы шли сперва берегомъ Адыръ-Су, тропинкой между березами; трава была усѣяна бѣлыми колокольчиками и блестѣла отъ росы. По ту сторону рѣки подымались снѣжныя вершины и ледники Кургмаги, а впереди бѣлѣлъ красивыми линіями Адеръ-Су-Баши и Сараколи-Баши. Вдругъ на поворотѣ дороги, при видѣ нашей процессіи, поднялись изъ травы какія-то три фигуры и заговорили по-нѣмецки. Выраженіе полнѣйшаго недоумѣнія на ихъ лицахъ было комично. Они оказались студентами изъ Мюнхена, которые обошли ледники Безенки и Кельбатъ и теперь поднялись изъ Сванетіи по Местійскому перевалу и шли въ Урусбіево, гдѣ должны были соединиться съ двумя своими

товарищами, шедшими съ вещами прямо изъ Бачкаріи.

Князь У. намъ говорилъ, что ихъ ожидалъ. Они собирались подняться на Эльбрусъ и пройти въ Сванетію черезъ Дончузъ-Орунъ и вернуться обратно по Бечойскому перевалу. Они спросили, привыкли ли мы къ переваламъ, и когда узнали, что нѣтъ, то посовѣтовали намъ сперва хорошенько посмотрѣть на ледникъ снизу. «Sehen Sie es gut an vor dem Sie es wagen», сказали они и спросили, есть ли у насъ веревка и топоръ. «Медвѣдь» захватилъ съ собой изъ коша топоръ, веревки же, конечно, не оказалось. «Держитесь правой стороны; перевалъ съ этой стороны ничего еще, съ другой хуже», напутствовали они насъ. Мы разстались и рѣшили, что, вѣроятно, опять встрѣтимся въ Сванетіи. Нѣмцы шли одни, находя дорогу по своимъ великолѣпнымъ нѣмецкимъ картамъ, исходя изъ того, что формація ледниковъ повсюду одинакова и что задача настоящихъ альпинистовъ—находить себѣ путь безъ проводниковъ.

Мы пошли дальше. Лѣсъ кончался и начинались камни. По мѣрѣ того, что мы шли, камни дѣлались все больше и больше, представляя изъ себя цѣлыя стѣны; бѣдная лошадь спотыкалась и падала. Пришлось ее оставить. Ей нашли кусокъ зеленаго луга между двумя каменными грядами и оставили ожидать возвращенія проводниковъ. Часовъ въ 8 утра мы пришли на поляну, покрытую генціанами, вокругъ которой, наконецъ, совершенно близко, кольцомъ подыма-



Начало ледника.
(См. стр. 83).



Видъ съ перевала на Сванетскую сторону.
(См. стр. 85 и 86).



лись скалы и ледники. «Вотъ перевалъ», сказалъ мнѣ Келеметъ,—я взглянула и вспомнила нѣмцевъ: прямо передъ нами, на разстояніи, можетъ быть, версты, начинался ледникъ Адыръ-Су, который отсюда казался отвѣснымъ; онъ уходилъ высоко вверхъ, переходя затѣмъ въ снѣгъ, и то, что я видѣла наверху, какъ высшая его точка, казалось такъ недостижимо далеко, что не вѣрилось, что я дѣйствительно буду тамъ сегодня. Онъ блестѣлъ отъ солнца а скалы, вылѣзавшія изъ него, казались просто черными; ихъ затѣйливыя формы придавали удивительную красоту яркой поверхности льда и снѣга, бросая на нихъ синія тѣни. Небо отъ всего этого блеска казалось совершенно темнымъ. Мы сняли перевалъ, перемѣнили башмаки на сапоги съ гвоздями и, по совѣту проводниковъ, поѣли. Проводники перешептывались, глядя на крутизну подъема и примѣряя на спину наши вещи. Оказалось, что они сомнѣвались въ возможности перенести ихъ всѣхъ. Пришлось еще сократить нашъ багажъ, оставивъ все то, что было возможно, на полянѣ. Люди увѣряли что никто ихъ не возьметъ и что, по возвращеніи въ Урусбіево, они ихъ захватятъ съ собой.

Начиналось настоящее. Я съ наслажденіемъ вспоминаю первое пріятное ощущеніе, когда идешь по льду съ новыми, не тупыми еще гвоздями, ступаешь такъ крѣпко, увѣренно и такъ хорошо видишь передъ собою эту гладкую, красивую поверхность голубоватаго льда, на которомъ мѣстами блеститъ снѣгъ. Было просто жарко. Ледъ слегка

подтаивалъ, вѣтра не было, идти было невыразимо хорошо. Стали попадаться небольшія трещины, которыя легко было обойти или просто перешагнуть. Вдругъ я замѣтила, что Хаджи-Мурза и два другіе проводника (три обыкновенно шли впередъ, одинъ же всегда оставался за нами) что то забѣгали по льду отъ одного края ледника къ другому. Я пошла скорѣе и увидала что̀ ихъ смущало: громадная трещина преграждала намъ дорогу и, казалось, не было ей конца. Они всѣ трое остановились у самаго ея узкаго мѣста и сосредоточенно смотрѣли въ ея бездонную глубину. Когда я подошла, они нерѣшительно посмотрѣли на меня. Мнѣ было очень смѣшно выраженіе ихъ лицъ и вѣроятно тонъ, съ которымъ я спросила—«прыгать?», показался имъ утѣшительнымъ, потому что они повеселѣли и живо сами перескочили на ту сторону. М. И. и Лиза подошли и посмотрѣли на то, что предстояло намъ. Я хорошо знаю, какъ у М. И. кружится голова отъ всякой высоты, но кромѣ меня, я думаю, никто и не подозрѣвалъ, что для нея былъ этотъ первый прыжокъ черезъ узкую, но все же бездну. Я видѣла, какъ она морально зажмурилась, Хаджи-Мурза протянулъ ей руку, и она была на той сторонѣ.

Это было начало: въ теченіе получаса мы шли буквально между трещинами, обходя нѣкоторыя, прыгая черезъ другія. Но все это были ровныя отверстія въ гладкой поверхности льда и настоящей трудности, въ сущности, не представляли. Съ половины подъема начинается снѣгъ, мы шли ровно,

гуськомъ ступая въ глубокіе слѣды идущихъ впереди нашихъ людей, часа, 3—4, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть.

Блескъ снѣга ослѣплялъ глаза, подъемъ былъ невѣроятно крутой, отъ ходьбы дѣлалось нестерпимо жарко и я думала, подымаясь: «не пойду на Эльбрусъ, говорятъ, что тамъ подобный неинтересный, утомительный подъемъ длится 2 дня...» Иногда люди насъ торопили, опасливо глядя на нависшій снѣгъ надъ головами. «Опасном ѣсто», говорили они, «иди скорѣе», и, запыхавшись, мы шли и шли впередъ.

Но наверху вся усталость была забыта. Высота 12 тысячъ футовъ что-нибудь да значитъ; чувствовалась вышина; подъ нами были горы и ледники. Передъ нами: съ одной стороны рядъ за рядомъ выступали Карачаевскія горы, за которыми изъ за тучъ бѣлѣла вершина Эльбруса, внизу нашъ пройденный путь, съ другой вершины, Сванетской—стороны главнаго хребта, а тутъ близко отъ насъ, вылѣзая изъ снѣга, черные массивы скалъ, съ которыхъ стекали ледники. Пройдя по снѣгу къ серединѣ площадки перевала, намъ казалось, что мы въ царствѣ верхушекъ. Освѣщеніе было поразительно; солнце изъ за тучъ бросало желтоватые лучи на снѣжную равнину перевала, на ледники и снѣга ближайшихъ вершинъ, за ними уходила въ туманную даль слѣдующая цѣпь, за ней еще другая, еще болѣе туманная, еще болѣе призрачная. Чувствовалась застывшая природа, отдаленность отъ жизни, красота безъ теплоты, безъ мягкости, безъ движенія той при-

роды, которая насъ обыкновенно окружаетъ, но великолѣпная въ своемъ величіи, въ своемъ безмолвіи, въ своемъ необъятномъ просторѣ...

Мы смотрѣли, уйти не хотѣлось, но было такъ холодно, что долго стоять нельзя было. Тутъ оказалось, что познанія Хаджи-Мурзы, Келемета и проч. прекращались,—куда идти никто не зналъ, внизъ ли направо между горъ, вверхъ ли, налѣво, по какимъ-то слѣдамъ, которыхъ принимали то за «нѣмцы слѣды», то за слѣды какого-нибудь звѣря, никто не могъ рѣшить.

Мы сѣли на снѣгъ на скрученныя бурки и стали разсматривать крошечный планъ, который я скопировала изъ книги Morty Dechy, данную мнѣ на время знакомыми. Въ полной увѣренности, что всѣ проводники знаютъ дороги, мы не особенно заботились о планахъ и, когда я стала ихъ искать въ Владикавказѣ и Кисловодскѣ, то нигдѣ не нашла. По моему плану казалось, что нужно итти на западъ внизъ, и мы бѣгомъ стали спускаться на середину ледника, радуясь, что не нужно больше подыматься. Но радость наша не долго продолжалась,—трещина, размѣры которой были очень внушительны, съ неровными краями и которая направо и налѣво отъ насъ превращалась въ настоящую пропасть, преграждала намъ дорогу. Солнце пряталось за тучи, откуда-то сталъ дуть вѣтеръ, ноги, насквозь промокшія, замерзали, поэтому казалось лучше перепрыгнуть трещину, чѣмъ возвращаться назадъ искать дорогу въ другомъ мѣстѣ. «Если и тамъ, за трещиной — (по ихъ «бу-

гай») не будетъ хорошей дороги, что тогда?», спрашивалъ Келеметъ, который, повидимому, опасался за нашу переправу черезъ трещину. «На Твиберъ— туда пойдемъ, но ни за что не вернемся обратно», отвѣтила я. Это на нихъ подѣйствовало. Они, кажется, надѣялись, что мы сами, изъ-за трудности откажемся итти дальше, такъ какъ признаться, что дороги они не нашли, было бы для нихъ невозможнымъ стыдомъ передъ княземъ Н. И. У., но наша твердая рѣшимость итти и какъ-нибудь добраться до Сванетіи заставила ихъ напрячь всѣ свои силы и познанія. Мы благополучно, разумѣется, переправились, но понапрасну, — шагахъ въ тридцати появилась новая еще большая трещина, за ней другая; очевидно, это было совершенно непроходимое мѣсто. Поиски дороги длились ровно 2 часа. Наконецъ Хаджи-Мурза, ушедшій далеко впередъ, подъ самый край скалы направо отъ перевала, замахалъ руками и мы, полные радостнаго ожиданія, устремились туда. «Мое сердце мнѣ говорило, что тутъ дорога», объяснялъ торжественно Хаджи-Мурза. Видны были слѣды на снѣгу, но они обрывались у края крутого ледяного спуска конечной части трещины. На поверхности этого льда видно было что-то вродѣ зазубринъ, это могли быть оттаившія ступеньки, продѣланныя утромъ нѣмцами. Медвѣдь съ азартомъ сталъ вырубать ступеньки въ этой поверхности. Полетѣли ледяныя щепки и мы невольно залюбовались на ловкость, съ которой онъ держался одной ногой въ продѣланной ступенькѣ, упираясь другой о ледяной

склонъ. Обдумывать было не время, съ помощью проводниковъ, для которыхъ казалось ничего не было трудно, опираясь слегка налѣво, на открывающуюся бездну, мы спустились на морену и помчались дальше, стараясь слегка отогрѣться. Передъ нами былъ безконечный корридоръ изъ близко стоящихъ горъ; посреди него изрытый ледяными глыбами, обрывами, провалами, трещинами ледникъ. Пока мы шли по краю его, по моренѣ, то скользя по замерзшему гребню ея, то перебѣгая, иногда спотыкаясь, по громаднымъ камнямъ, у меня отъ блеска сдѣлалась мигрень, среди горъ, казалось, уже наступали сумерки, итти скоро я со вершенно не могла,—подворачивались ноги; сыпа-лись камни, палка скользила, а не упиралась въ замерзшую поверхность. Я могла только ползти, переставляя аккуратно одну ногу за другой. Проводники опасливо на меня поглядывали и предлагали помочь. Принимая во вниманіе головную боль, я рѣшилась принять предложенную мнѣ помощь и взяла руку Хаджи-Мурзы. Онъ въ буквальномъ смыслѣ побѣжалъ, таща меня за собой, сперва по откосу, а затѣмъ по гребню морены. Приходилось только удивляться поразительной ловкости и увѣренности, съ которой онъ шелъ по труднымъ мѣстамъ. Его увѣренность была такъ велика, что и я бѣжала за нимъ по верхушкѣ гребня, вершка въ 3 шириной, какъ я бѣжала бы по полоскѣ паркета. Другіе проводники также хорошо шли, но такой удивительной ловкости, какъ у Хаджи-Мурзы, у нихъ не было. Это природный талантъ, развитый

въ привычной обстановкѣ горъ и ледниковъ. Часовъ въ 6 мы дошли до громаднаго камня, кругомъ котораго были видны слѣды недавняго привала. Это очевидно были нѣмцы. Мы рѣшили также тутъ заночевать, ввиду того что дѣлалось темно, а конца ледника не было видно; отъ мысли попасть сегодня въ Местію надо было окончательно отказаться. Тучи надвигались, и можно было ожидать дождя. Мы сварили чай на спирту, позавернулись въ бурки и примостились, какъ могли, подъ нависшимъ краемъ камня. Мы перемѣнили башмаки, надѣли все, что имѣли теплаго, слегка отогрѣлись чаемъ и начали себя чувствовать не такъ уже плохо. Будь у каждой изъ насъ по буркѣ, намъ было бы даже совсѣмъ хорошо, но намъ пришлось отдать одну изъ нихъ людямъ, которые оставили свои подъ переваломъ, и на всѣхъ четверыхъ имѣли только одну бурку Келемета. Луны еще не было, темнота закрывала горы — дѣлать было нечего, и я заснула. Часовъ въ 10 проснулась отъ холода, начинался дождь и тихо вливался за шею. Пришлось устроиться иначе. На всѣхъ былъ одинъ зонтикъ, мой, который красилъ, а сохранить отъ дождя хотѣлось не только себя, но и вещи. Особенно безпокоили насъ фотографическія принадлежности. Мы забрали подъ себя, что могли, и протянули надъ собой бурку. Дождь смѣнился большими хлопьями снѣга, который скоро таялъ, вода стекала подъ камень, подъ буркою невозможно было дышать, камни, на которыхъ мы сидѣли, дѣлались все чувствительнѣе и врѣзались въ

бока; подъ ними начинали струиться ручейки, а часы показывали всего 11 часовъ; до разсвѣта, когда возможно тронуться, оставалось еще часовъ 5 или 6. Минута была непріятная, но, къ удивленію проводниковъ мы не унывали и смѣялись надъ этой, совершенно не входившей въ наши разсчеты, обстановкой.

Наше терпѣніе было вознаграждено.

Часовъ въ 12 намъ вдругъ показалось, что дождь ослабѣваетъ, небо стало свѣтлое, молочное, чувствовалась луна, и вотъ, минута за минутою передъ нами начала раскрываться картина, подобной которой я никогда не видала и, можетъ быть, не скоро увижу.

Тучи рѣдѣли, падали обрывками, изъ-за бѣлаго пара сначала неясно, потомъ все отчетливѣе и отчетливѣе выступали массивы горъ, на которыхъ отъ сіянія луны блестѣли ледники, за ними открывалось черно-синее небо; на немъ каждый зубецъ, каждая снѣговая черточка ярко вырисовывались и таяли бѣлыя фантастическія облака. И все это было такъ близко, такъ велико и реально, а кругомъ—безмолвіе, прерываемое иногда шумомъ скатившагося камня или обвалившагося снѣга...

Теперь не скучно было ждать разсвѣта. Въ 4 часа разсвѣтаетъ. Бѣлыя верхушки горъ начали свѣтиться свѣтло-розовымъ матовымъ тономъ, небо просвѣтлѣло, сдѣлалось сѣровато-голубымъ, послѣдніе обрывки облаковъ исчезли, рядомъ совсѣмъ близко открылся ледникъ съ изрытыми, вывороченными массами.

Мы стали собираться и до восхода солнца двинулись въ путь. Мы шли по узкому корридору горъ; онъ, казалось, простирался на много верстъ; въ глубинѣ его за ближайшими горами возвышалась Ушба со своей раздвоенной макушкою. Въ концѣ корридора, налѣво, намъ казалось, что можно было различить боковое ущелье и скалы, на которыхъ росли деревья. Морена скоро прекратилась и мы спустились на поверхность ледника, гладкую и красивую, и пустились по ней бѣгомъ. Солнце подымалось, освѣщало горы, небо было ярко-голубое, все засіяло, заблистало, какъ вчера. Голубой ледъ, темно-синія съ зеленоватымъ отливомъ трещины, чистый, легкій до невѣроятія воздухъ, прозрачность тоновъ, морозная тишина горъ, удивительныя формы скалъ съ изрѣзанными, поразительными по своей красотѣ и разнообразію зубцами насъ очаровывали.

Забывался голодъ, мокрыя ноги, которыя зябли, тяжесть вещей, которыя мы носили на спинѣ, и мы наслаждались близостью горъ и воздухомъ, котораго хотѣлось до безконечности вдыхать. Трещины пока попадались все перпендикулярныя. Съ горъ по бокамъ спускались ледники и сливались съ нашимъ «Лекзиромъ», какъ онъ обозначался на моей картѣ. Ушба все возвышалась противъ насъ. Мы дѣлали небольшіе привалы, любовались голубыми безднами, наполненными ледяной водой лазурнаго цвѣта, куда проводники бросали камни и прислушивались, не услышимъ ли шумъ паденія камня, но, конечно, камень пропадалъ въ безконечной глубинѣ.

За поворотомъ, налѣво отъ нашего ущелья, мы ожидали увидать зеленую долину съ Местіею въ концѣ, такъ, по разсказамъ нашихъ сванетскихъ знакомыхъ, я себѣ представляла Местійскій перевалъ. Прямо, противъ этого ущелья, куда мѣрно заворачивалъ нашъ ледникъ, возвышалась направо отъ насъ вершина съ покатымъ ледникомъ.—«Вотъ тутъ можно пройти въ Баксанъ»,—сказалъ мнѣ Келеметъ. Не думалъ ли онъ, что намъ придется вернуться этимъ путемъ обратно? *). Моему непривычному глазу продолженіе нашего ледника, послѣ его заворота налѣво, казалось ничѣмъ не отличающимся отъ того, на которомъ мы теперь находились. Но, вѣроятно, Келеметъ уже видалъ то, что я только предчувствовала, когда мысленно себя спрашивала, неужели случится непреодолимая преграда подъ самый конецъ, и намъ все-таки придется идти обратно и вверхъ?

Боковое ущелье было гораздо уже, гладкая поверхность льда сразу измѣнялась и превращалась въ какую-то изрытую массу, гдѣ ледъ, камни, обледенѣлый мелкій щебень смѣшивались въ одно. Трещинъ не было видно, были какія-то ямы, обрывы, покатости, обломки скалъ, зіяющія бездны, гребни желтоватаго льда съ голубыми отливами. Вдали, за всей этой хаотической массой, гдѣ-то въ синевѣ неба, возвышалась пря-

*) Провѣривъ впослѣдствіи слова Келемета по картѣ, вижу, что онъ былъ правъ: это былъ ледникъ Гаранъ, черезъ который можно спуститься по ту сторону черезъ Адыльскую долину въ долину Баксана.

мой стѣной, покрытая снѣгомъ, характерная цѣпь Лайлы. Мы, бывшія въ Сванетіи, ее сразу узнали, и несмотря на то, что намъ еще оставалось преодолѣть, мнѣ сразу стало весело. Мы идемъ правильно, разъ, у насъ Ушба остается направо, а Лайла противъ насъ. А то пятичасовое странствованіе по льду начинало казаться безцѣльнымъ и ненужнымъ. Несмотря на способность Хаджи-Мурзы отыскивать дорогу, я начинала терять вѣру въ его познанія и боялась, что мы вдругъ очутимся гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Бего или Муллаха, отъ которыхъ насъ будетъ отдѣлять какая-нибудь непроходимая скала.

Хаджи-Мурза забѣгалъ и начались наши настоящія бѣдствія. Приходилось то спускаться, то подыматься по гребнямъ ледяныхъ обрывовъ, перескакивать по камнямъ невѣроятныхъ размѣровъ, карабкаться по скаламъ, врѣзывающимся въ ледъ. Красота и интересъ къ преодолѣванію препятствій насъ поддерживали. Мы всѣ три шли различно. М. И. сознавала опасность, но шла съ непоколебимой рѣшимостью дойти, какъ оно трудно ни было, и не показать, что ей трудно. Лиза сознавала опасность, но шла великолѣпно, увѣренно и свободно, я не сознавала опасности, но шла скверно, такъ какъ отъ близорукости никогда не видала ясно дороги передъ собой и спотыкалась. Съ каждымъ шагомъ все яснѣе выступали впереди, внизу, зеленыя долины съ вѣковыми деревьями, изрѣзанныя потоками Сванетіи, на голубомъ фонѣ Лайлы. Мы останавливались въ недоумѣніи, ждали,

пока Хаджи-Мурза обѣгалъ края нашихъ ледяныхъ горъ, потомъ онъ находилъ обходъ и мы шли осторожно, прощупывая дорогу палками и стараясь не смотрѣть на то, что было подъ ней. Я все ждала пропасти отъ края до края ледника и старалась угадать, что мы въ такомъ случаѣ сдѣлаемъ? Мое предчувствіе оправдалось, передъ нами открылась подобная пропасть,—она казалась саженъ въ 30 вышины, на днѣ ея была небольшая, сравнительно, ровная поверхность, на которую, мнѣ казалось, можно было скатиться по наиболѣе покатому ея мѣсту, но Хаджи-Мурза уже вскарабкивался по стѣнѣ скалы, которая окружала ледникъ. Тамъ, гдѣ-то высоко, въ кустахъ, онъ считалъ, что должна быть дорога. За нимъ пошли и другіе проводники, кромѣ Келемета, котораго я старалась уговорить, что отлично можно съѣхать внизъ. Вдругъ, надъ нами раздались удары топора, Медвѣдь проламывалъ ступеньки въ каменистой землѣ. Должна сказать, что въ первый разъ за все наше путешествіе у меня екнуло сердце; мнѣ казалось невозможнымъ лѣзть бокомъ по краю почти отвѣсной поверхности, зацѣпляя ноги за крошечныя зазубрины, которыя удавалось продѣлывать своимъ топоромъ Медвѣдю.

Тамъ дальше, выше, влѣво, виднѣлись кусты и деревья,—пройти это ужасное мѣсто, и будетъ великолѣпно, но какъ пройти его?

Первая пошла, конечно, М. И. Для нея лучше итти, не обдумывая, не видя, какъ идутъ другіе. Келеметъ давалъ ей руку снизу, Медвѣдь сверху, и она исчезла изъ моихъ глазъ, за ней исчезла

Лиза, и я влѣзла по камнямъ до мѣста, гдѣ Келеметъ помогалъ намъ пройти; къ счастію, онъ взялъ у меня со спины мой ящикъ съ красками, который я носила, и который значительно затруднялъ ходьбу, и я очутилась въ скверномъ мѣстѣ. Итти было, дѣйствительно, трудно. Хаджи-Мурза замѣнилъ Медвѣдя и серьезнымъ тономъ приговаривалъ: «не бойся, хорошъ дорогъ»,—что меня сердило: «я не боюсь, но мои ноги катятся внизъ», къ счастію онъ былъ такъ крѣпокъ на ногахъ, что я могла опираться на его руку, но все казалось—вотъ, вотъ оборвусь и потащу его за собой въ бездну.

Но все обошлось благополучно, скала кончилась, смѣнилась зеленымъ откосомъ. Мы шли по поясъ въ травѣ, въ которой росло такое разнообразіе великолѣпныхъ цвѣтовъ, что, карабкаясь по склону, хватаясь за кусты, чтобы кубаремъ не скатиться внизъ, все-таки хотѣлось останавливаться и рвать громадныя синія генціаны, большую перистую гвоздику, лиловую aquilequin, розовую ромашку и проч. Черезъ нѣсколько шаговъ, дѣйствительно, откуда-то изъ лѣса сбѣгала тропинка. Тропинка послѣ двухъ дней странствованія безъ дороги! Стоило карабкаться по ужасному откосу, чтобы ногой вступить на людскую тропу. Мы рвали цвѣты и смотрѣли на красоту далекой Лайлы, и вдругъ очутились у самаго поэтичнаго мѣста для привала, которое можно себѣ только представить. Налѣво отъ тропинки извивался крошечный ручей, по ту сторону его, подъ самыми

скалами, съ которыхъ свѣшивались березы и ліаны и росли кусты дикой смородины, образовалась небольшая полоска земли изъ мелкаго гравія, мѣстами покрытаго ковромъ зеленой травы. Переправиться на нее можно было, устроивъ мостъ изъ камней: противъ нея была поляна, покрытая цвѣтами съ каменистымъ гребнемъ, за нимъ нашъ ледникъ и скалы. Было $2^{1}/_{2}$ часа. Итого мы уже шли 10 часовъ и заслуживали отдыхъ.

«Хотите тутъ ночевать?»—предложилъ не серьезно Келеметъ. Я перевела его предложеніе М. И., которая пришла отъ него въ восторгъ. У меня зародился планъ: дѣйствительно тутъ ночевать и послать Алабаева въ Местію за лошадьми, такъ какъ теперь выяснялось, это долина Тюрбри, которая ясно была видна глубоко внизу подъ нами, тянулась еще очень далеко среди лѣсовъ. Наша тропинка по окончаніи ледника, вѣроятно, сходилась съ выючной тропой. Мы такъ и сдѣлали. Рѣдко мы такъ наслаждались приваломъ, какъ тутъ. Скоро горѣлъ костеръ, у котораго можно было варить чай, сушить вещи: можно было рисовать, мыться въ ручьѣ, отдыхать на разстеленныхъ буркахъ, любуясь красотой вида, и все это не спѣша. Проводники принесли намъ дикой смородины и малины, и мы, сидя кругомъ костра, дѣлились впечатлѣніями. Хаджи-Мурза былъ особенно доволенъ и тѣмъ, что онъ нашелъ дорогу, и тѣмъ, что мы не «уморились», и особенно тѣмъ, что мы первыя женщины, которыя сдѣлали этотъ перевалъ и, по его мнѣнію, такъ хорошо умѣли справляться съ трудностями.

Мы рано легли и, не смотря на сырость, отъ которой мокли даже бурки, спали великолѣпно. Луна вставала противъ насъ и того удивительнаго блеска на снѣгу горъ уже не было, какъ въ прошедшія ночи. На другое утро я пошла рисовать, въ ожиданіи человѣка изъ Местіи, и спускалась по тропинкѣ, которая шла среди березъ и земляники, и вдругъ, о ужасъ,—тропинка обрывалась! Съ горы стремился громадный потокъ и преграждалъ дорогу; тропинка съ невѣроятной крутизны спускалась снова на изрытую поверхность ледника. Далеко впереди зеленѣли луга и лѣса, а чтобы добраться до нихъ, намъ еще часа на три хватило бы трудной дороги.

Часовъ въ 12 появился сванетъ и объяснилъ, какъ могъ, что внизу остался Алабаевъ съ лошадьми, откуда часа 3 до Местіи. Онъ принесъ мнѣ обратно записку къ отцу благочинному, который, оказывалось, уѣхалъ въ Кутаисъ съ семействомъ, и другую записку отъ студента Д., съ которымъ мы познакомились въ прошлый нашъ пріѣздъ, и который писалъ, что для насъ приготовлены комнаты въ больницѣ, ввиду отъѣзда семейства Н.

Послѣдующіе три часа, которые намъ пришлось употребить на спускъ, были едва ли не самые трудные изъ всего перехода. Особенно опасность усиливалась частыми обвалами; проводники иногда просили насъ не стучать палками и не слишкомъ громко говорить; изрѣдка приходилось прибѣгать къ топору. Кончились наши странствованія спу-

скомъ по продѣланнымъ ступенькамъ на ледяномъ откосѣ пещернаго моста рѣки Тюрбри. Видъ былъ грандіозный, темный потокъ, стремительно вытекающій изъ-за ослѣпительнаго снѣга и льда моста, исполинскіе камни, нагроможденные кругомъ, надъ нимъ нашъ ледникъ, уходящій вверхъ между отрогами скалъ, вдали сверкающій снѣгъ на темноголубомъ небѣ.

Мы страшно устали и съ наслажденіемъ сѣли на лошадей. Дорога шла лѣсомъ. Часто приходилось спѣшиваться изъ-за нависшихъ вѣтвей вѣковыхъ сосенъ, елей и чинаръ или нагроможденія камней среди зарослей рододендроновъ и азалій.

Шиповникъ уже отцвѣлъ; зато кусты дикой смородины и малины были покрыты ягодами. Доѣхали до Местіи къ вечеру. Солнце уже садилось, весь закатъ былъ залитъ оранжевымъ свѣтомъ; Лайла вся горѣла, въ розовомъ сіяніи, выступали на противоположномъ берегу безчисленныя башни Местіи среди зелени садовъ, Тюрбри, превратившаяся тутъ въ громадную бушующую рѣку, отражала яркія краски неба...

Завтра мы ѣдемъ въ Эцери къ Д. Княгиня насъ пригласила еще въ Тифлисѣ пріѣхать къ нимъ, если мы будемъ опять въ Сванетіи. Во время нашего перваго посѣщенія Сванетіи ихъ не было въ своемъ родовомъ имѣніи. Имъ принадлежитъ такъ называемая Княжеская Сванетія, т. е. 4 сѣверныхъ общества: Бего, Эцери, Пари и Чубехери. Остальныя: Латаль, Ленжеры, Местія, Мухахъ, Мужалъ, Инаръ, Каль и Ушкуль и др. составляютъ Вольную



Местія.
(См. стр. 98).



Эцери, день жатвы.
(См. стр. 98—101).



Сванетію. Крестьяне Княжеской Сванетіи до сихъ поръ обязаны платить извѣстныя повинности владѣтельному князю, помимо, общегосударственныхъ повинностей.

Эцери. 26-го августа.

Мы пріѣхали въ Эцери уже въ темнотѣ, цѣлымъ караваномъ въ 12 лошадей. Жара была нестерпимая, за все наше странствованіе по Кавказу я не запомню такого жаркаго дня, а намъ еще говорили въ Кисловодскѣ, что поздно ѣхать въ Сванетію въ концѣ августа. Убирали хлѣбъ и всюду мы видѣли сани, запряженныя волами, которые спѣшно свозили съ полей рожь. По дорогѣ остановились обѣдать у пристава, который встрѣтилъ насъ въ Наталѣ со словами, что теперь онъ вѣритъ, что мы дѣйствительно полюбили Сванетію. Намъ невыразимо пріятно было снова быть у него въ Бечо, продолжать наши разговоры про Сванетію, любоваться Ушбою, на которой этотъ разъ не было ни одного облачка, а также обѣдать за столомъ, на чистой скатерти, съ ножами и вилками, увидать опять тѣ же мѣста, которыми мы такъ восхищались.

Тутъ къ намъ присоединились жена слѣдователя и князь Л. Д., которые также ѣхали гостить въ Эцери. Съ ней ѣхала ея горничная, съ княземъ Л. его человѣкъ, съ приставомъ 2 стражника, съ нами Келеметъ и сванъ изъ Местіи съ лошадьми,— такимъ образомъ мы образовали огромный караванъ, который вился длинной лентой по крутымъ сванетскимъ тропамъ. Отдавало чѣмъ то средневѣковымъ въ этомъ передвиженіи, верхомъ со своими людьми и вьюками.

И тутъ, въ Эцерахъ, смѣсь средневѣковаго съ цивилизаціею. И князь и княгиня много путешествовали, жили обыкновенно въ большихъ городахъ, всѣхъ знаютъ, говорятъ на всѣхъ языкахъ. Она много читала англійскихъ книгъ, что очень радовало М. И.; великолѣпно одѣвается; онъ замѣчательно умный человѣкъ, много видавшій на своемъ вѣку.

Устройство жизни и дома по-европейски. Домъ новый, деревянный, простой, съ длинной верандою во всю стѣну, а напротивъ ихъ башня, и, какъ подобаетъ башнѣ владѣтельнаго князя, она самая высокая во всей Сванетіи. Кругомъ нея полуразрушенная средневѣковая стѣна. Стѣна веранды испещрена именами всѣхъ лицъ, гостившихъ въ Эцерахъ. Между ними многіе изъ тѣхъ извѣстныхъ иностранныхъ альпинистовъ и ученыхъ, про которыхъ намъ разсказывалъ князь Н. И. У. На этой верандѣ обѣдаютъ по звонку, безъ обыкновенныхъ кавказскихъ тостовъ, въ 2 часа, чай пьютъ въ 6, ужинаютъ въ 9. За обѣдомъ намъ подаютъ мороженое, приэтомъ за льдомъ посылаютъ за 7 верстъ въ ледникъ ближайшей снѣговой горы. Съ утра до поздней ночи лугъ передъ домомъ, веранда, дворъ старой башни, комнаты, все полно „вассалами» князя, которые приходятъ изъ окружающихъ деревень, кто по дѣламъ, кто съ приношеніемъ— въ видѣ сукна или живого барана, котораго ведутъ за веревку, кто просто такъ,—и всѣ они стоятъ толпами по цѣлымъ часамъ кругомъ княгини, кругомъ князя, кругомъ насъ; тутъ же группами си-

дятъ и отдыхаютъ. И всѣхъ ихъ кормятъ, со всѣми разговариваютъ и входятъ въ ихъ интересы. Вчера была жатва, поэтому было особенно много народу; болѣе 150 человѣкъ обѣдало на лугу.

Хозяева ходили между ними, угощая, разговаривая. Послѣ обѣда тутъ же на лугу начались танцы и пѣніе; тѣ же танцы, которые мы уже видѣли въ Латалахъ, но въ еще болѣе, если возможно, поэтической обстановкѣ догорающаго костра заката на снѣгу Лайлы, на фонѣ самой величественной башни Сванетіи. Племянникъ князя, князь М. Д., въ бѣлой черкескѣ и красныхъ сапогахъ, великолѣный типъ свана, танцовалъ вмѣстѣ съ ними. Они пѣли, танцуя, цѣлыя баллады, между прочимъ одну извѣстную и любимую про волшебницу скалъ Дали и охотника. Дали уронила со скалы своей сына, волченокъ подхватилъ его и унесъ, а охотникъ вернулъ его обратно матери.

Она спустила внизъ со скалы свои волосы и подняла къ себѣ своего ребенка. Въ награду она обѣщала ему по 7 туровъ въ началѣ каждаго мѣсяца, а мелкихъ сернъ по одной каждую недѣлю и всему роду покровительство въ охотѣ.

Насъ помѣстили въ отдѣльномъ домикѣ для гостей, рядомъ съ большимъ домомъ. По утрамъ къ намъ приходитъ толпа дѣвушекъ прислуживать. Но мы другъ друга не понимаемъ, поэтому онѣ стоятъ и задумчиво смотрятъ на насъ, пока мы ихъ не прогоняемъ. Теперь мы выучились слову „лидсъ"—вода и этимъ спасаемся. Днемъ мы рисуемъ, гуляемъ, сидимъ передъ домомъ подъ ты-

сячелѣтней чинарою, дающею тѣнь на подобіе цѣлаго сада. Подъ этимъ деревомъ, на этой самой каменной скамейкѣ, которую теперь покрываютъ современнымъ ковромъ, когда-то судили своихъ подданныхъ предки теперешняго князя. Тутъ же стоитъ громадная каменная фигура, самой примитивной работы, изображающая одного изъ самыхъ старыхъ его предковъ.

По вечерамъ долго сидимъ и разговариваемъ послѣ ужина. Сынъ князя Иломазъ намъ показывалъ свою коллекцію рукописей, всѣ на почернѣвшемъ пергаментѣ, то листами, то длинными свертками. Ихъ носятъ ему крестьяне, въ семьяхъ которыхъ онѣ часто находятся. Это по большей части молитвы на древне-грузинскомъ языкѣ (сванетской азбуки пока не существуетъ). Интересенъ тотъ фактъ, что въ сванетскомъ языкѣ встрѣчается много словъ древне-грузинскихъ, тогда какъ эти же слова на грузинскомъ нарѣчіи измѣнились. Мнѣ говорили въ Эцерахъ, что теперь многіе ученые работаютъ надъ изученіемъ сванетскаго языка и думаютъ, что происхожденіе его должно быть тождественно на основаніи этого съ грузинскимъ. Передъ нами, напр., гостилъ довольно долго профессоръ Марръ, пріѣхавшій спеціально въ Сванетію, чтобы выучиться языку.

Эцеры. 26 августа.

Сегодня утромъ осматривали башню, а днемъ ѣздили смотрѣть старинную церковь въ Лапсхалахъ. Башня интереснѣе всѣхъ прочихъ, которыя

я уже раньше видала. Размѣры ея громадны. Мнѣ ее показывалъ Иломазъ; онъ ее любитъ и проникнутъ мыслью, что она принадлежитъ ихъ семьѣ, можетъ быть, уже 800 лѣтъ, и что столько же лѣтъ уже стоятъ въ ней эти удивительные рѣзные ящики въ нѣсколько саженъ вышиной, гдѣ сохранялся хлѣбъ. Они почернѣли отъ времени и куріозныя животныя и фигуры, которыя покрываютъ ихъ сверху до низу сплошнымъ орнаментомъ, поразительно гармоничны. Изъ помѣщенія, гдѣ хранятся ящики, мы перешли въ грандіозныхъ размѣровъ комнату, гдѣ живутъ служащіе; въ Эцерахъ ихъ 35 человѣкъ. Посреди, освѣщая неровнымъ кругомъ 20-ю часть помѣщенія, горѣлъ огромный костеръ, надъ которымъ висѣлъ такой же котелъ, на такой же цѣпи, какъ и въ другихъ Сванетскихъ башняхъ, только и котелъ и цѣпь были украшены орнаментомъ, какъ все въ Эцерахъ. На нихъ видны были слѣды труда, положеннаго на то, чтобы украсить, отличить ихъ отъ прочихъ такихъ же цѣпей, чановъ, ящиковъ и проч. предметовъ обихода Сванетскаго народа. Верхніе этажи, совершенно заброшенные, кромѣ величины размѣровъ, ничѣмъ не отличались отъ прочихъ башенъ.

Лапсхальская церковь стоитъ на горѣ, верстахъ въ 11 отъ Эцеръ. Она полна легендъ, которыя всѣ зналъ Иломазъ. И онъ и мы были проникнуты глубокимъ уваженіемъ къ ея сокровищамъ. Ему пріятно было ее показывать, намъ ее осматривать. Въ ней меньше образовъ, чѣмъ въ монастырѣ Св.

Квирика и Евлитія, но тѣ, что есть, великолѣпны. Между прочимъ два образа, одинъ Михаила Архангела, безъ золотыхъ ризъ, но поразительный по древнему письму. Есть три креста; два въ нѣсколько аршинъ вышины, третій небольшой, золотой, съ рельефнымъ изображеніемъ Христа и нѣсколькихъ святыхъ своеобразной формы и поразительно художественной работы. По преданію, онъ принадлежалъ Мингрельцамъ, которые теперь желаютъ получить его обратно; и Сваны живутъ подъ страхомъ, что они его украдутъ. Одинъ изъ большихъ крестовъ прикрѣпленъ цѣпью къ каменной аркѣ алтаря; если онъ оторвется, Сваны говорятъ, что онъ разобьетъ другой крестъ и тогда случится большое несчастіе. На другомъ большомъ крестѣ, находится золотая рука, по преданію, слѣпокъ съ руки царицы Тамары. На стволѣ креста, украшенномъ драгоцѣнными камнями, не хватало нѣсколько крупныхъ жемчужинъ. И. разсказалъ намъ, что одна его прабабушка, женщина очень властная, пожелала сдѣлать себѣ изъ нихъ украшеніе и сама вынула нѣсколько штукъ изъ креста. Два дня спустя, ее понесла лошадь, свалила и тащила повиснувшую съ сѣдла по всей деревнѣ, —ее сняли мертвой. Сваны глубоко вѣрятъ, что ее постигъ гнѣвъ Божій. Наверху, на протянутыхъ жердяхъ вдоль низкаго потолка, лежало знаменитое Лапсхальское Евангеліе, съ удивительными орнаментами и рисунками на пергаментѣ. Его относятъ къ X (?) вѣку. Его сняли для насъ съ помощью шеста, стоящаго нарочно въ углу церкви. На уступахъ,

кругомъ церкви, ближе къ входу, гдѣ не было больше иконъ, лежали кучами рога туровъ. Стѣны покрыты, по обыкновенію, фресками и, какъ всегда, яснѣе всего изображенъ Георгій Побѣдоносецъ. Видъ отъ церкви поразительный, даже для Сванетіи. Передъ вами вся долина Ингура, съ которой сливаются всѣ меньшія долины; видны Бечо, Латаль, Ленжеры и проч. Надъ ними возвышается вся цѣпь Ушбы и тутъ ее всю видно— раздвоенную вершину, горбатую линію ея боковъ, кругомъ другія снѣговыя цѣпи, а она выше всѣхъ.

Я опять была проникнута глубокимъ чувствомъ удивленія къ этимъ чуднымъ Сванетскимъ церквамъ, какъ и въ тотъ разъ, въ Калѣ. Стоило-бы сдѣлать систематическое описаніе ихъ всѣхъ, со снимками иконъ, крестовъ, изобразить въ краскахъ гармоничныя по тонамъ ихъ фрески. Говорятъ, что многое было снято для археологической комиссіи, но было-ли при этомъ описаніе значенія ихъ для Свановъ, легенды и сказанія, принадлежащія ко многимъ изъ нихъ, ихъ исторія? Иломазъ намъ разсказывалъ, что въ Эцерской церкви хранится образъ - складень, который такъ почитается Сванами, что они считаютъ невозможнымъ на него смотрѣть. Когда во время службы священникъ его открываетъ, они падаютъ на колѣни и опускаютъ голову въ земномъ поклонѣ.

Вернулись въ полной темнотѣ, предоставляя лошадямъ находить дорогу. Мы ѣдемъ завтра дальше, на Донгузъ-О-рунъ, но намъ жаль уѣзжать,

мы такъ отдохнули морально и физически въ красивой обстановкѣ Эцеръ.

Тавралы. 27.

Сегодня ночуемъ тутъ, въ самой поэтичной Сванетской усадьбѣ, расположенной по крутому склону горы. На верху у дороги стоитъ старая башня, черезъ арку которой вы спускаетесь внизъ въ темный, широкій корридоръ, по бокамъ этого корридора другія арки ведутъ въ помѣщеніе хозяевъ; по еще болѣе темному спуску вы входите въ комнату, гдѣ горитъ на полу костеръ и вся семья готовитъ обѣдъ. Въ концѣ главнаго корридора другая арка—спускъ на внутренній дворъ, гдѣ волы, запряженные въ сани, молотятъ хлѣбъ. Черезъ дворъ громадный пустой сарай съ крошечными отверстіями на верху и съ однимъ длиннымъ, узкимъ, надъ самой пропастью. Сюда намъ приносятъ только что вымолоченной соломы, низкій длинный столъ и скамейки, изъ угла сарая выдвигаютъ древній рѣзной диванъ, а Келеметъ и наши 4 свана-проводники разводятъ намъ огонь. Вотъ наша комната—и въ этомъ помѣщеніи мы даемъ a tea party—званый чай! Подъѣзжая къ Тавраламъ часовъ въ 8 вечера (мы выѣхали изъ Эцеръ около 3-хъ въ сопровожденіи князя и его племянника, которые провожали насъ до Пари), я вижу у ручья, какъ моются люди, не похожіе на Свановъ,—тутъ же на камнѣ лежитъ фотографическій аппаратъ. Навѣрно, «наши» нѣмцы“! Мы оказываемся правы — всѣ наши нѣмцы, побывавъ на

Эльбрусѣ, идутъ въ Сванетію. Они, оказывается, очень безпокоились за насъ, думая о трудностяхъ Местійскаго перевала, и очень обрадовались, увидавъ насъ.

Мы ихъ приглашаемъ придти выпить съ нами чаю, со своими чашками, и подѣлиться впечатлѣніями. Въ видѣ освѣщенія у насъ догорающій костеръ, который мы потушили, такъ какъ съ непривычки задыхались отъ дыма, одинъ нашъ фонарь и одинъ фонарь нѣмцевъ. Они принесли свои кружки и ложки, а мы ихъ угощаемъ чаемъ, кислымъ молокомъ, яйцами, черным хлѣбомъ, который намъ спекли въ Эцерахъ и который ихъ особенно радуетъ, такъ какъ они давно, кромѣ лепешекъ, ничего въ видѣ хлѣба не ѣли. Они даютъ намъ сахару, который у насъ на исходѣ и, сосиску гороховаго супа. Мы оживленно говоримъ на всевозможныхъ языкахъ, а кругомъ въ созерцаніи стоитъ вся Сванетская деревня, которая, по обыкновенію, забравъ дѣтей, пришла на насъ смотрѣть. Они были на вершинѣ Эльбруса, погода была чудная, теперь прошли Донгузъ-Орунъ, ночуютъ въ Тавралахъ и чуть свѣтъ идутъ дальше. Они удивляются, что мы ѣдемъ верхомъ. «Вѣдь вамъ придется бросить лошадей завтра же, не доѣзжая ночлега, говорятъ они, «дорога невозможная, даже нашъ вьючный мулъ и тотъ еле шелъ, а на перевалѣ попалъ въ трещину, мы съ трудомъ его вытащили». Мы вспоминаемъ, что князь О. Д. намъ предлагалъ взять муловъ, когда заказывалъ намъ лошадей своимъ любимымъ охотникамъ Сеиту и

Аслану Гарліянамъ, которые каждый убили болѣе 50-ти туровъ въ своей жизни. Но мы отказались, вспоминая, какъ мучались съ ними по Ингуру. Неужели мы окажемся неправы? Но Асланъ улыбается и что-то успокоительно говоритъ Келемету, который думаетъ, что онъ выучился говорить по-сванетски.

Онъ вообще въ восторгѣ отъ своего путешествія; кн. М. Д. подарилъ ему лошадь, прелестную, небольшую рыжую лошадку, которая такъ великолѣпно ходитъ привычной ногой по горамъ, что на ней наслажденіе ѣхать. Келеметъ даетъ ее мнѣ, такъ какъ та, которая была у меня, оказалась невозможной.

Урусбіево. 2-го сентября, опять.

Мы пріѣхали сюда, какъ домой, какъ выразилась одна изъ насъ. Перевалъ Донгузъ-Орунъ, по которому чаще всего ѣздятъ въ Сванетію, изъ Карачая совершенно безопасенъ, но сравнить его по красотѣ съ Местійскимъ невозможно. Ледникъ очень небольшой; спускъ къ Баксану по льду длится въ общемъ не болѣе получаса, затѣмъ опять камни, склоны горъ, гребни высоко надъ пропастью, гдѣ вьется рѣчка Донгузъ-Орунъ. Вершина Донгузъ-Оруна и Гоутай-Баши дѣйствительно очень хороши своими массивными очертаніями и красиво расположенными ледниками. Подъ переваломъ небольшое озеро, въ которомъ, когда мы проѣзжали, отражались ихъ снѣга, покрытые розовымъ блескомъ заходящаго солнца.

Предсказанія нѣмцевъ не сбылись; Келеметъ былъ правъ, когда увѣрялъ, что они, вѣрно, никогда верхомъ не ѣздили, и поэтому считали дорогу невозможной для лошадей. Мы до самаго перевала доѣхали, слѣзая съ лошади всего 2 раза: одинъ разъ послѣ часового спуска на дно долины рѣки Накры, когда мы, отъ усталости, одна за другой, подъ самый конецъ спуска поскакивали съ лошадей и вели ихъ въ поводу, а второй разъ, не доѣзжая немного высшей точки перевала, такъ какъ намъ казалось, что лошадямъ уже черезчуръ тяжело вскакивать по камнямъ вверхъ съ нами на спинѣ. Келеметъ же ни разу не сходилъ съ лошади.

Долина Накры великолѣпна. Она, пожалуй, превосходитъ долину Ингура растительностью. Мы ѣхали лѣсами бука, граба, лавровъ и елей исполинскихъ размѣровъ, среди папоротниковъ выше человѣческаго роста, дикихъ подсолнечниковъ, кустовъ смородины и малины въ видѣ цѣлыхъ бесѣдокъ. Казался какой то сказочный лѣсъ, среди котораго бушевала Накра, таща за собой въ пѣнѣ цѣлые обрывки скалъ. Трава пестрѣла вторичнымъ расцвѣтомъ крокусовъ, то розовато-лиловыхъ, то ярко-желтыхъ. Ночевали мы въ пещерѣ Узгладъ, т. е. подъ большимъ камнемъ, одиноко стоящимъ на берегу рѣки, среди поляны, заросшей кустами и покрытой голубыми цвѣтами. Какъ всегда, пылалъ костеръ, и спалось великолѣпно на воздухѣ, несмотря на ночную сырость.

У этого камня останавливаются обыкновенно всѣ ѣдущіе на Донгузъ-Орунъ, такъ какъ это по-

слѣдній пунктъ, гдѣ можно достать дровъ, и достаточно тепло до перевала. Вслѣдствіе пустоты, образовавшейся въ камнѣ со стороны рѣки и гдѣ можно укрыться въ случаѣ дождя, онъ и носитъ громкое названіе пещеры. Утромъ насъ ожидалъ непріятный сюрпризъ. Сваны такъ крѣпко спали, что не замѣтили, какъ лошади, которыхъ они пустили въ траву, убѣжали. Двое изъ нихъ пошли ихъ искать, а другіе два сидѣли и, съ выраженіемъ печальнаго недоумѣнія, глядѣли въ костеръ. Келеметъ кипятился: «такой дуракъ человѣкъ, Сванетъ», съ презрѣніемъ говорилъ онъ «онъ всегда спитъ». Въ 10 часовъ наконецъ привели лошадей, и мы тронулись часа на 3—4 позднѣе того, что предполагали.

Сперва мы ѣхали легкимъ подъемомъ по теченію рѣки Накры, лѣсъ прекращался, были одни невысокіе кусты и голубые цвѣты. Затѣмъ начался очень крутой подъемъ по осыпи, зигзагами, и мы вспомнили нѣмцевъ: съ непривычки, такой подъемъ по камнямъ, по сыпучему щебню, долженъ показаться только пѣшеходнымъ. Но они не знали кавказскихъ лошадей. Зато мѣстами тропинка была хорошо протоптана, мнѣ говорили, что тутъ всегда гонятъ скотъ. Да и мы сами встрѣчали уже раза два въ лѣсу, по дорогѣ, партіи Свановъ, возвращающихся съ покоса изъ Урусбіева со скотомъ, которымъ имъ тамъ, въ большинствѣ случаевъ, платятъ за работу.

Разъ скотъ прошелъ, пройдетъ и лошадь. Мы достигли перевала около 3-хъ часовъ. Это совер-

шенно узкій каменистый гребень съ возвышающися скалами по бокамъ, какъ ворота. Вышина перевала считается 10.493 фута. Отсюда, говорятъ, хорошо виденъ Эльбрусъ, но рядъ лиловыхъ тучъ на сѣверѣ пряталъ его изъ нашихъ глазъ. Со стороны Сванетіи былъ видѣнъ на зубчатой горѣ красивый ледникъ, и далеко внизу вилась долина Накры. На одномъ изъ камней скалы налѣво были сдѣланы громадныя надписи. Особенно одна заинтересовала насъ, такъ красиво и ровно она была написана; казалось, страница изъ книги. Но прочесть ее на такомъ разстояніи я не могла. Тутъ уже находилась партія Свановъ, отдыхавшихъ послѣ перевала и очень заинтересовавшихся нами. Но оставаться долго было нельзя, мы и такъ пріѣхали очень поздно, и до Азау предстояло намъ еще часовъ 5—6 ѣзды. Подъ переваломъ начинается снѣжная поверхность, по которой было превесело спускаться. Впереди рысцой шелъ бѣлый мулъ, нагруженный нашимъ багажемъ, за нимъ бѣгомъ Келеметъ, таща за собой свою лошадь, за нимъ мы стараясь попасть въ ихъ слѣды, а за нами остальные 3 Свана съ нашими лошадьми. Мѣстами сильно оттаивающій снѣгъ образовывалъ лужи, подъ которыми видны были трещины, но такія незначительныя, послѣ нашихъ трещинъ на Местійскомъ перевалѣ. Когда кончился ледъ, мы сѣли на лошадей и поѣхали по тропинкѣ, которая вилась то по громаднымъ камнямъ, то по откосу травянистыхъ склоновъ горы, высоко надъ рѣкой Донгузъ-Орунъ. На противоположномъ берегу тянулись ледники г. Донгузъ-

Оруна. Около 6-ти часовъ вечера издалека въ долинѣ стали чернѣть лѣса, и, напрягая зрѣніе, можно было различить очертанія отдѣльно стоящихъ сосенъ. Мы страшно устали и продрогли и, видя деревья, мы мысленно представляли себѣ костеръ и привалъ.

На краю горы показалась высокая, стройная фигура въ черной черкескѣ и папахѣ, очевидно, не Сванъ. Это оказался племянникъ князя У., который выѣхалъ намъ на встрѣчу съ лошадьми и уже давно насъ ожидалъ *). Онъ сказалъ, что для насъ наверху, въ кошу, приготовлено закусить, и мы свернули съ тропы и, дѣлая зигзаги, чтобы облегчить подъемъ лошадямъ, подъѣхали къ кошу.

Горѣлъ громадный костеръ, на которомъ жарился шашлыкъ, толпа горцевъ сидѣла кругомъ на бревнахъ. Съ боковъ надъ ними, повсюду, гора казалась черной отъ стадъ овецъ и коровъ, которыхъ на ночь загоняли на одно мѣсто, и звуки ихъ мычанія и блеянія сливались съ трескомъ горящаго дерева.

Болѣе поэтичной обстановки, нежели пустыннаго коша среди дикихъ голыхъ горъ, тянущихся на необъятномъ пространствѣ, я не знаю, а теперь, уставшія и промерзшія, очутиться вдругъ у этого костра, среди жизни, было верхомъ наслажденія. Намъ разостлали бурки на бревна, мы завернулись въ свои; и грѣлись и ѣли замѣчательный шашлыкъ

---

*) Согласно нашему уговору съ княземъ У., мы ему дали знать о днѣ нашего возвращенія, пославъ человѣка изъ Эцеръ съ запиской, черезъ Бегойскій перевалъ.

и старались проглотить немного козьяго молока, чтобы не огорчить Б. К.—Ш., который насъ такъ гостепріимно угощалъ. Къ сожалѣнію, больше 20 минутъ отдыха позволить мы себѣ не могли. Благодаря задержкѣ изъ-за лошадей, до Азау доѣхать уже было немыслимо. Начинало серьезно смеркаться и мы еле успѣли спуститься, по очень плохой дорогѣ, до поста стражниковъ, гдѣ нужно переночевать. Дорога скоро вошла въ громадный лѣсъ. Мы ѣхали уже почти въ полной темнотѣ; только сквозь стволы деревьевъ мелькало иногда оранжевое небо, и снѣговыя вершины, на которыхъ еще виденъ былъ послѣдній отблескъ заката.

Келеметъ, знавшій тутъ, на своей сторонѣ хребта, каждый камень, велъ подъ уздцы лошадь М. И.; я ѣхала за ними, увѣренная въ Сванкѣ, которая никогда не спотыкалась, а Лиза шла сзади съ Б. К.-Ш., который велъ ея и свою лошадь. Мы въѣзжали въ пни, перескакивали черезъ бревна, попадали подъ громадныя вѣтки и тихо подвигались впередъ.

Наконецъ, шумъ потока, отъ котораго мы свернули въ лѣсъ, опять сталъ усиливаться, впереди среди деревьевъ замелькалъ огонь; послѣднимъ почти отвѣснымъ спускомъ мы очутились на полянѣ, залитой краснымъ свѣтомъ отъ пылающаго костра. На ней росли отдѣльныя необычайной величины сосны и стоялъ крошечный домикъ въ одно окно, розовый дымъ костра вился клубами и, казалось, всѣ уголки лѣса были имъ на-

полнены. Кругомъ надъ вершинами сосенъ выступали кольцомъ снѣговыя горы.

Отъ Озау мы отказались окончательно, отложивъ его до будущаго года, когда собираемся попробовать восхожденіе на Эльбрусъ. Мы слишкомъ устали.

Зато мы наслаждались и отдыхомъ въ теплой комнатѣ, и костромъ и поѣздкою на другое утро въ Терсколь, любоваться Эльбрусомъ и Терскольской скалою, и 30-ти верстной поѣздкой обратно въ Урусбіево, по великолѣпной экипажной дорогѣ, вдоль Боксана, среди сосноваго лѣса. изъ-за котораго виднѣлись вершины то Гогутай-баши, то нашего Донгузъ-Оруна, то очаровательныя очертанія Цехельды. Намъ обо всемъ разсказывалъ Б. К.-Ш., который насъ всѣхъ очаровалъ смѣсью 18-ти лѣтней молодости со спокойной увѣренностью, поразительной выдержкою и любезностью. Наслаждались мы и пріѣздомъ въ Урусбіево, въ ту же саклю, которую мы полюбили; встрѣтиться опять съ княземъ Н. Н. У., получить свои вещи, услыхать, что наши проводники благополучно добрались обратно и принесли съ собой вещи, оставленныя на горѣ.

Кисловодскъ, 4-го сентября.

Мы вернулись въ Кисловодскъ, проведя три чудныхъ дня въ Урусбіевѣ. Этотъ разъ мы поѣхали верхомъ на лошадяхъ Келемета черезъ Картыкскій перевалъ (10,633 фр.). Могу изобразить въ двухъ словахъ этотъ переходъ: 3 дня по совершенно дикой и безлюдной мѣстности, двѣ ночи



Дерево у церкви въ Эцерахъ.

(См. стр. 98 и дальше).



По дорогѣ въ Кисловодскъ, водопадъ у подножья Эльбруса.

(См. стр. 114).



въ палаткѣ, безъ костра и воды, ни одного дерева на всемъ 90-верстномъ протяженіи, и великолѣпные виды на Эльбрусъ и, съ перевала, на окружающія снѣговыя горы.

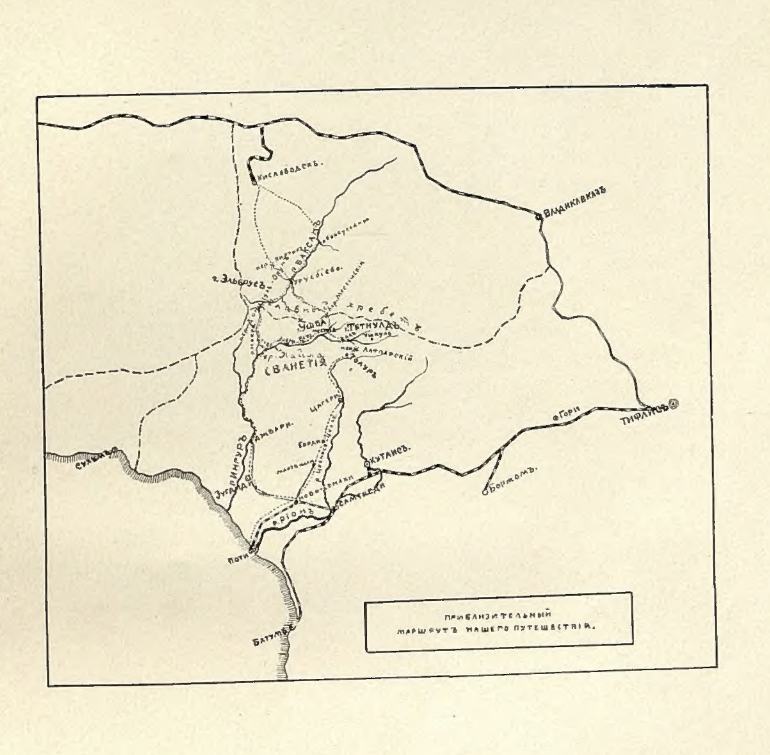
Мы кончаемъ наше путешествіе—ѣдемъ домой черезъ Военно-Сухумскую дорогу верхомъ. Намъ грустно, что прошло хорошее время, и передъ нами воскресаетъ въ воображеніи все то, что мы такъ перечувствовали: и шумъ воды, и луна на снѣгу горъ, и свѣтъ костра, и безмолвіе большой высоты, и духъ Сванетіи, этой страны контрастовъ и безподобной красоты.

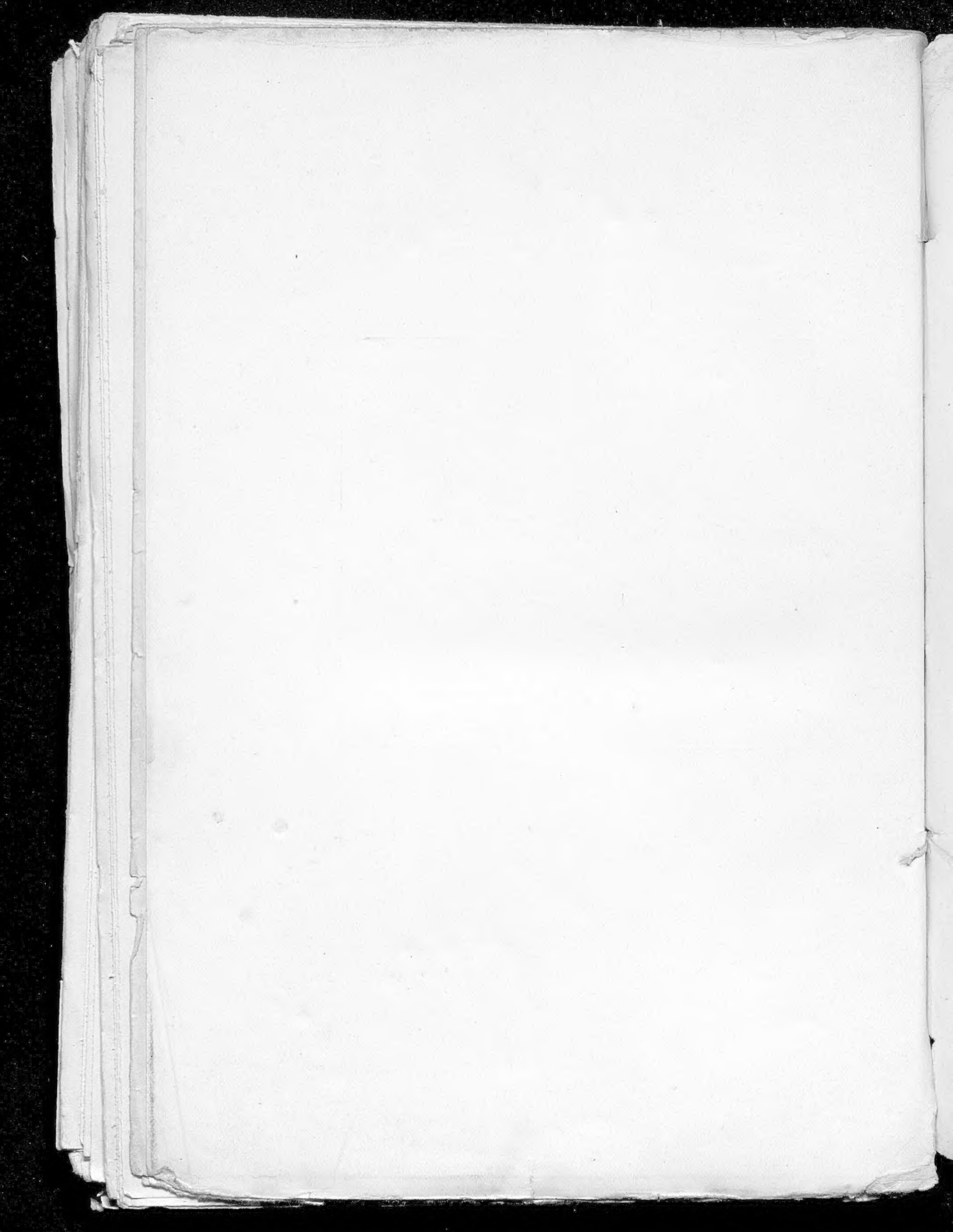
Обросшія мхомъ вѣковыя ели и нѣжно-розовый цвѣтъ рододендроновъ; зеленые луга и голыя скалы; непроходимые льды, и тутъ же, въ одной верстѣ разстоянія, шиповникъ въ цвѣту; дикій невѣжественный народъ — хранитель сокровищъ искусства.

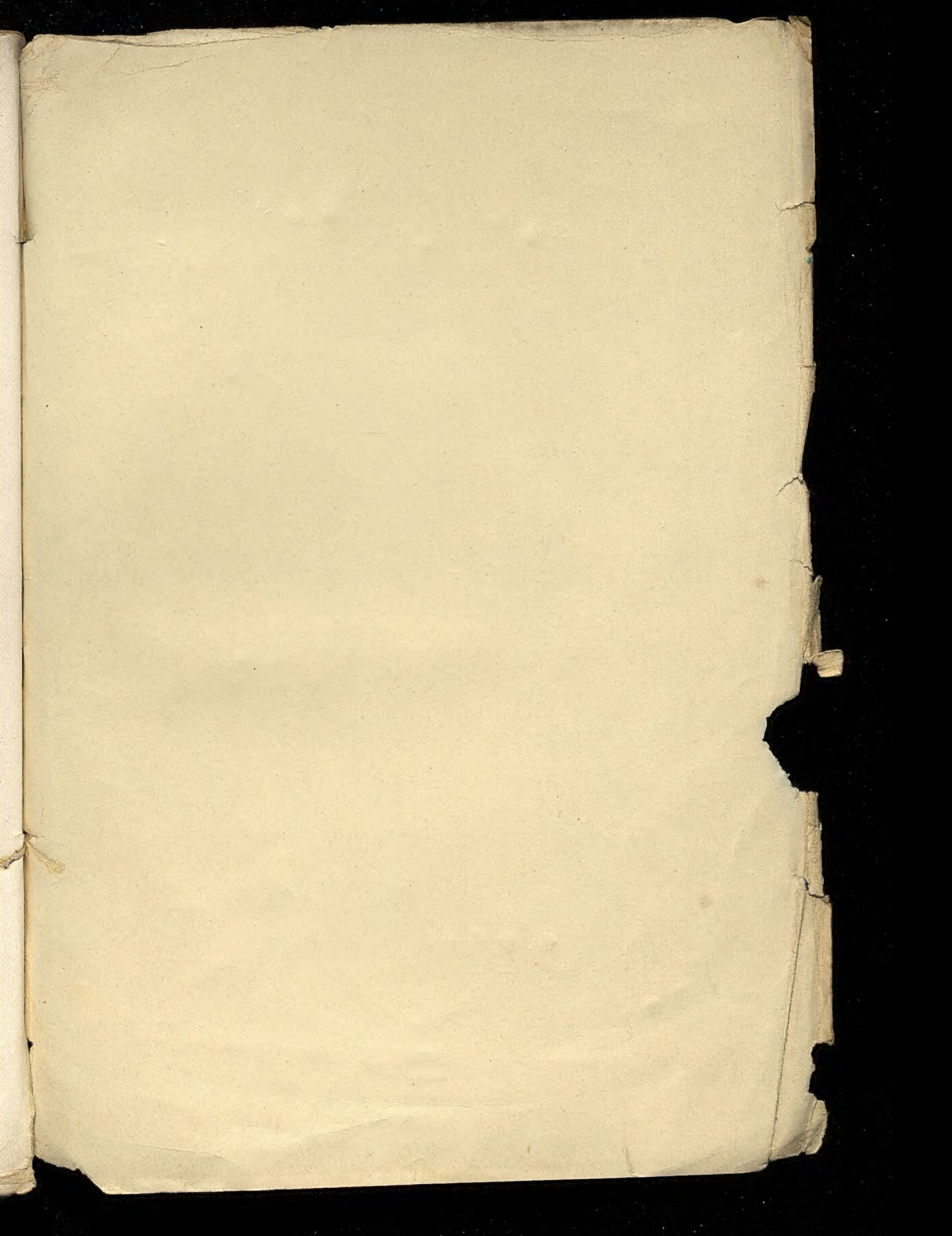
И хочется ей помочь, помочь ея народу не исчезнуть, не слиться съ общимъ, а возродиться крѣпкой собственной жизнью, со всѣми ея средневѣковыми особенностями.






Кисловодскъ.
Владикавказъ
г. Эльбрусъ
Урусбіево.
Ушба
Тетнульдъ
Сванетія
Цагери.
Тифлисъ
Гори
Джвари.
Кутаисъ.
Ингуръ
Зугдиди
Сухумъ
Боржомъ.
Самтреди
р. Ріонъ
Поти
Батумъ
приблизительный
маршрутъ нашего путешествія.





Цѣна 1 руб. 25 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новое Время“, Вольфа и другихъ.